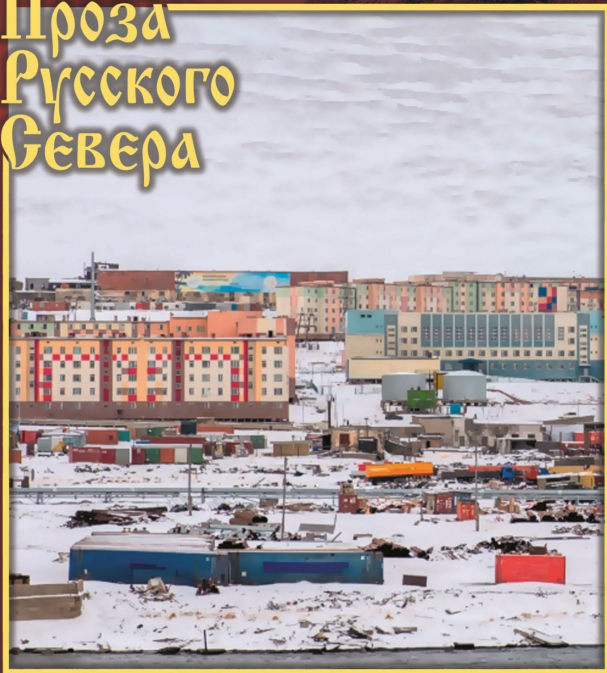

РОМАН СЕНЧИН

Проза
Русского
Севера

Регион деятельности

Роман Валерьевич Сенчин

Регион деятельности

Серия «Проза Русского Севера»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73958392

Регион деятельности. Повести, рассказы: Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5579-7

Аннотация

Повести и рассказы этой книги складывались автором на протяжении двух десятилетий. География историй обширна: от севера Сибири в рассказах «Дорога» и «Проект» до Карелии в «Ветрянке». Действие разворачивается на Иртыше, в Югре, на Печоре и у берегов Белого озера. Одни территории были обжиты русскими людьми пятьсот лет назад и раньше, а другие сравнительно недавно – в эпоху комсомольских строек. Где-то жизнь бьет ключом, а где-то теплится, благодаря единственной бетонной дороге, которую хотят разобрать...

Содержание

Вторая жизнь	5
Срыв	30
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Роман Валерьевич Сенчин
Регион деятельности
Повести, рассказы

* * *

© Сенчин Р.В., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Вторая жизнь

Рассказ

Дни Зинаиды Петровны становились всё длиннее. При этом они словно бы сливались в один: ночи не отделяли дни один от другого – ночь была тем же днем, просто Зинаида Петровна в это время не ходила, а лежала. Слава богу, бессонница ее не мучила, и сон редко когда сопровождался сновидениями. Обычно – черный провал, а потом свет солнца или торшера. Зинаида Петровна поднималась, и начинался новый день, но почти такой же, что и прошлый, и позапрошлый. В общем, тот же самый. И, наверное, найти там, в прошлом, рубеж, за которым было иначе, у Зинаиды Петровны вряд ли бы получилось.

Ее навещали. И соцработница, и соседки, и бывшие ученики, и внучки иногда приезжали, но всё это укладывалось в бесконечный день. Вот придут гости, посидят и уйдут, а день продолжается.

Зинаида Петровна с детства не любила вспоминать. Сначала воспоминания были такими, что от них становилось страшно: война, которая выметала людей и у них здесь, в Сибири, дрожавшая при виде почтальонки мать, она сама, плачущая на руках отца, но не от радости, а от страха – успела его забыть. Потом голод; в мозг врезались слова девочки-со-

седки на удушливой кухне их коммунальной квартиры: «Мама, а почему хлеб стали делать из земли?» И это спустя год с небольшим после Победы...

Там, далеко, остались припадки отца, который из-за контузии или еще чего заболел эпилепсией, его похороны морозным февральским днем пятьдесят первого; уроки в школе, которые нравились ей всё меньше – учителя были сухие, строгие, рассказывали неинтересно. И, наверное, тогда она решила стать учительницей и учить детей совсем иначе.

Ей нравилось читать книги про путешествия, открытие новых земель, про далекие страны. Первой брала в библиотеке свежие номера «Вокруг света». И хотя экономическая география, которую проходили в последних классах, ей была скучна, Зинаида Петровна выбрала географический факультет их педагогического института.

Окончила его в пятьдесят седьмом году, в хорошие, в общем-то, времена. Вернее, во времена, когда по-настоящему стало вериться: дальше будет лучше и лучше. Даже ее маме, уставшей, прибитой бедами, казалось, совсем не хотевшей жить. Но захотела – и прожила еще долго. Восемьдесят четыре года. А Зинаиде Петровне сейчас восемьдесят семь.

В их родове женщины долго жили. Может, и мужчины бы тоже жили долго, если бы их не убивали войнами, приговорами «троек», невыносимым трудом...

Пять лет проработала в школе в том же Ленинском районе города, где жила, а в шестьдесят втором вместе с мужем-ин-

женером уехала в строящийся рабочий поселок Синие Горки.

Название было почти сказочное, но дело, происходившее там, очень серьезное. Неподалеку от поселка заканчивали возводить химический комбинат и машиностроительный завод. На комбинате должны были производить ракетное топливо, а на заводе собирать ракетные двигатели. В поселке селились те, кто предприятия создавал, и их семьи; часто и мужья, и жены были строителями, инженерами, химиками.

Муж Зинаиды Петровны был инженером-технологом по водоподготовке. Нечастая и становившаяся очень востребованной специальность... А сама она пошла работать в местную, тогда еще совсем маленькую школу. Впрочем, нагрузка была серьезная – после пяти часов вечера начинались уроки для рабочих, стремящихся получить среднее образование, и два раза в неделю Зинаида Петровна возвращалась домой позже мужа.

Впрочем, и возвращаться было особенно некуда, вернее, не было большого желания – им выделили комнату в общежитии-бараке. Стены между комнатами тонкие, всё слышно. Кухня общая, не протолкнуться. И поначалу Зинаида Петровна сомневалась, правильно ли поступила, переехав сюда. Квартиру обещали дать весной, но эти осенние и зимние месяцы надо было пережить. Тем более в ноябре она поняла, что беременна.

Руководство не обмануло – в мае справляли новоселье. И

не в однокомнатной квартире, а в двухкомнатной. «С перспективой на пополнение в семье», – как сказал главный инженер Тарницкий Евгений Владимирович, совсем молодой тогда, почти как они сами, новоселы.

Да все они были тогда здесь молодыми. Пожилых, а тем более старых, можно было ни одного за весь день не встретить. А теперь молодых не увидишь...

Строились Синие Горки буквально на глазах у Зинаиды Петровны. И быстро, стремительно. Вот появились их четыре пятиэтажки с видом на мутный, стремительный Иртыш, а на следующий год еще несколько; вот вырос двухэтажный детский комбинат (сад и ясли), а вот больница, непомерно, казалось, огромная. Местные жители удивлялись: зачем такая? Болеть никто не предполагал.

В шестьдесят пятом школа перебралась в новое здание. Три этажа, два крыла, по три классные комнаты на каждом. Широкие рекреации с большими окнами. Первое время школа была пугающе малолюдной. По классу учеников одного года, да и в классах по десять-двенадцать ребят. Кто бы мог подумать, что лет через пять в школе станет тесно и построят еще одну...

Сына, первенца, Зинаида Петровна родила в городе, за пятьдесят километров от Синих Горок, а дочку – через два года, уже здесь. Вскоре после ее рождения им дали трехкомнатную квартиру. Но увеличения жилплощади они не очень заметили – комнаты были маленькие, к тому же к ним пере-

ехала мать Зинаиды Петровны, нянчила детей.

Сын и дочь окончили школу и уехали подальше. С тех пор время от времени – нечасто – навещали; приезжали и внучки.

Муж умер в девяносто четвертом, в пятьдесят девять лет, мать – через два года. И Зинаида Петровна осталась одна, еще через год ушла из школы. Трудно стало учить, дети пошли другие, да и она, сама чувствовала, стареет. Да, стареет, но живет и живет. Живет этот самый бесконечный день.

Кажется, с тех пор как перестала работать, он и начался.

Старалась не закисать. Часто и подолгу гуляла, осматривая поселок. Гнала воспоминания, но они лезли, и даже радостные теперь были какими-то... с горчинкой, что ли.

Вот высокий холм над рекой. Зимой здесь организуют лыжный спуск, и ее дети, внучки катались на лыжах и санках... А в один из вечеров в декабре шестьдесят второго они с мужем стояли на этом холме вместе с несколькими сотнями синегорцев и все смотрели в сторону машиностроительного завода.

Близилось первое испытание двигателя для ракет. Никто о нем не объявлял, но местные знали и пришли увидеть. И смотрели, смотрели за дома, за лес, туда, где находился испытательный стенд высотой с девятиэтажный дом и глубиной, говорили, больше пятидесяти метров.

И вот пошел гул, тональность его менялась, становилась острее, острее. Задрожала земля, потом черное небо озари-

лось разноцветным дымом. А потом загрохотало. Кто-то в толпе ойкнул, кто-то заикнулся молитвой... Наверное, многие со страхом ожидали взрыва. Взрыва не было, грохотало, клубилось, дрожало. Затем стало смолкать.

И в толпе запели:

...Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды!

Тогда, после полетов Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, была уверенность: да, скоро мы помчимся от звезды до звезды. С такой-то техникой, с такой энергией и космоса нам окажется мало...

Утром стало известно: испытание прошло успешно. И муж с гордостью сказал: «А топливо – наше!»

Да, у них возникла целая цивилизация: на заводе собирали и испытывали двигатели, на комбинате, в нескольких километрах, производили топливо для них. А в поселке учили, воспитывали, лечили, награждали, кормили, просвещали...

Вот огромный, с залом на шестьсот мест, Дом культуры. Здесь проходили торжественные собрания, на площади перед ним – демонстрации и уличные представления.

Зинаида Петровна не знает, как в других подобных поселках, но у них сделали очень разумно: временки, бараки разбирали после того, как возводили капитальные здания, и теперь нет трухлявых деревяшек. Всё современное... Правда,

современное, по меркам семидесятых годов. Администрация и жители содержат Синие Горки в чистоте, ремонтируют дома, тротуары, засеивают газоны травой и высаживают цветы, но той свежести, какая была здесь тогда, полвека назад, конечно, нет...

Она мало где бывала. Три раза в Москве, один – в Ленинграде, один раз – на родине мужа – под Ворошиловградом. На море два раза – в Анапе и Сочи. Трижды гостила у сына, который со своей семьей жил на Урале; до семьи дочери во Владивостоке не добралась – ехать долго, лететь с пересадками.

А так – родной город и этот поселок, ставший родным.

Сначала покидать его было непросто. Разрешение надо получить, трястись по ухабистой дороге почти двадцать километров, пока автобус не выберется на трассу. Дорогу, говорят, специально держали такой, почти проселок, чтоб не бросалась в глаза тому, кому не надо знать, куда ведет.

Еще во время строительства комбината и завода проложили к ним железную дорогу, но по ней ходили только грузовые поезда, и то ночью, без фонарей. Что-то привозили, что-то увозили. На картах дорога эта до сих пор не обозначена, хотя теперь-то все про нее знают, да и не действует давно. Вернее, до самого недавнего времени не действовала...

Конечно, детская мечта поехать по дальним, диковинным краям долго не отпускала Зинаиду Петровну. Понимала, это выглядит странно: учить детей географии, рассказы-

вать о Риме и Париже, о Китае, Африке, Андах по прочитанному, а не увиденному. Но ведь если так буквально подходить, то каждый географ должен объехать мир, каждый учитель иностранного языка пожить там, где на этом языке говорит каждый первый...

В конце восьмидесятых и начале девяностых часто ловила на лицах учеников иронические улыбки, а несколько раз самые наглые спрашивали с издевочкой: «Зинаида Пална, а вы откуда знаете? А вы видели?»

Сначала она терялась, потом нашла ответ: «Вы сейчас это от меня узнайте, а потом проверите и нам расскажете. Договорились?»

Многие из ее учеников побывали и в Риме, и в Париже, в США, в Китае, некоторые и до Африки с Южной Америкой добрались, но мало кто из них возвращался сюда, в Синие Горки. Новых специалистов стало приезжать меньше и меньше, так что строительство прекратилось, а потом начался и так называемый отток населения.

Машиностроительный завод с выпуска ракетных двигателей под конец восьмидесятых перешел на производство совсем другого: поршней, автомобильных коробок передач, электродов. А химкомбинат постепенно превратился в нефтебазу.

В конце девяностых завод и вовсе закрыли. Его охраняли, но так, вполглаза. Говорят, тащили оттуда приборы, металл, по стенам испытательного стенда лазали альпинисты,

по подземным бункерам разные сталкеры...

Да, Зинаида Петровна не любит вспоминать, мучительно это, но вот сочатся и сочатся воспоминания. Против воли прокручивается ее длинная жизнь. И пусть не так уж много в ней было событий – вспомнить есть что. Больно только, больно. Даже от хороших воспоминаний больно теперь.

Если рисовать график ее жизни, то высшей точкой будет тот вечер на холме. Грохот и разноцветное зарево, ликование. Тогда у них с мужем почти ничего не было, но было главное – ожидание лучшего. И оно вроде бы оправдалось: сначала двухкомнатная квартира, потом трехкомнатная, дети, устроенный быт, дачный участок плюс участок под сад, мотоцикл «Иж» с коляской, а после, правда, незадолго до смерти мужа, «жигули» шестой модели. Но на графике линия после того вечера на холме все равно бы съезжала вниз, лишь вздрагивая вот этими событиями.

Ее возмущало мелькавшее на телевидении, слышимое на улице выраженьице: «Что-то пошло не так». Ведь придумал же острослов какой-то, явно с иронией сказал, а теперь повторяют вполне серьезно. Она морщилась, и всегда хотелось сказать: «А что пошло? Вы подумайте, объясните». Но вот в ее жизни и вообще, кажется, в жизни страны однажды взяло и пошло что-то не так.

Можно было объяснить это тем, что их поколение стало старше, поблекла романтика, исчезла та самая энергия. Или на другое стала тратиться. Но и следующие поколения были

какими-то... Не созидающими, что ли.

У старших принято поругивать молодежь; Зинаида Петровна читала, что в одном из древнейших письменных документов, найденных то ли в Месопотамии, то ли в Египте, было о том, какая легкомысленная и испорченная молодежь, и с такой молодежью скоро придут последние времена, поэтому относилась и к своей критике молодежи со скидкой на это свойство возраста. И в то же время с тревогой и болью наблюдала за теми, кто здесь, на земле, остается, кто будет жить двадцать, тридцать, пятьдесят лет после нее...

В последние времена она не верила, даже ядерная война ее не пугала. Не может такого быть, чтобы человечество всё погибло. Останется, расплодится, победит заражение территорий, приспособится... Может, тогда и появится у него, этого самого человечества, новая большая цель. А сейчас вон сонные все, растерянные, снулые. Нет цели. Нет смысла жизни.

А у нее были? Да, и смысл был, и цель. Дать знания, заразить потребностью открывать новое. Она на уроках часто читала фрагменты из книг Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая, Обручева, Потанина. И дети, и взрослые вечерники слушали ее внимательно и увлеченно... Зинаида Петровна заходила в библиотеку, интересовалась, какие книги берут. Те, что она читала, были почти всегда на руках.

Стоит надеяться, что для кого-то из сотен ее учеников те уроки не прошли даром. Пусть хотя бы в их воображе-

нии мир расширился, не стал черной пустыней за рамками увиденного их собственными глазами. Знать, что есть далеко-далеко Копенгаген или Фарерские острова, Новая Гвинея, то самое Рио-де-Жанейро из романа «Золотой теленок», и там живут люди, по большому счету, мало чем от нас отличимые, уже немало. Главное, чтоб не эта черная пустыня незнания. Невежества.

Но постепенно, сама чувствовала, она учила со всё меньшим вдохновением. И мир, такой в шестьдесят втором, когда смотрела на разноцветное зарево, маленький и понятный, по сравнению с космосом, становился сложнее, больше. И жизнь усложнялась, убыстрялась, как-то пошатывалась, как школьный глобус на плохо закрепленном стержне.

Застряло в памяти такое... Они с мужем ходили почти на каждый новый фильм в их Дом культуры. Пошли и на этот... Название простое, бледное, не запомнилось. Там Шукшин играет морского капитана, фронтовика с сединой в волосах, который теперь в порту работает. У этого капитана есть сын-подросток, а мать... Сыну говорят, что она задерживается в командировке, но он узнаёт: мать сбежала с каким-то мужчиной. Он ругается с отцом, говорит ему: «Слабак ты, батя» и едет к матери. Оказывается, она работает на строительстве ГЭС. Братской или Красноярской – сцена встречи с матерью происходит прямо под стеной плотины. Мать рада, она бежит отпрашиваться со смены, встречает, видимо, того, с кем уехала на стройку, они мимолетно обнимаются. Сын ви-

дит это и уезжает обратно. По дороге с почты звонит отцу: «Отец, ты был прав». Дескать, не нужна нам такая жена и мать.

Сложная история. И как в ней разобраться? Ведь можно трактовать так: живет семья, кажется, в Ленинграде. А может, в Новороссийске, Одессе, Севастополе. Немаленьком городе с морским портом. И вот женщине, еще молодой, сильной, становится в нем тесно, душно. Наверняка она обсуждала с мужем возможность переехать, отправиться на новое место, созидать. Он против. И она уезжает с тем, кто разделяет ее порыв. Строит ГЭС. И становится предательницей для мужа и сына...

Сложных фильмов появлялось всё больше. Фильм «Ты и я» запомнился. Очень странный фильм «Долгая счастливая жизнь», фильм «Странная женщина»... И книги тоже становились сложнее и сложнее. Вернее, сюжеты.

Говорят, что сложность – это хорошо. Это заставляет думать. А с другой стороны, сложность разъедает, лишает опоры. Должна быть опора. Такое вот слово часто теперь повторяют – скрепа. Да, именно скрепа.

В семидесятые стали исчезать книги некоторых известных писателей. Гладилина, Виктора Некрасова, Владимира Максимова, автора романтических повестей, потом замолчали о Василии Аксёнове. Автор слов той песни, какую пели тогда на холме, оказался плохим человеком – написал глумливую книгу о красноармейце и сбежал на Запад.

Уже, кажется, в перестройку появился слух, что Валентина Леонтьева, ведущая любимой передачи Зинаиды Петровны «От всей души» – американская шпионка. Какая шпионка, когда уже разоружение, Горбачёв с Рейганом чуть ли не дружат?! Но Леонтьева пропала из телевизора. Ни «От всей души», ни в «Гостях у сказки», «Спокойной ночи, малыши»... Через несколько месяцев появилась, но какая-то поблекшая, словно обожженная. «Ну, простили, – отмахивались люди, если речь о ней заходила. – Теперь принято всех прощать».

Вот так расшатывалось, разбалтывалось. Свои становились чужими, друзья – врагами. Или друзей объявляли врагами, или друзья объявляли врагами недавних друзей... Вчерашние ценности превращались в мусор, самоотверженный труд оказывался бесполезным.

В начале девяностых и их Синие Горки сделались лишними и бесполезными. Со всем населением. Дескать, продукция вашего завода теперь не нужна, да и вообще изначально была убыточной, топливо вашего комбината устаревшее, страшно токсичное, предельно опасное. От того и смертность среди тех, кто на комбинате работал, такая высокая. (А работники действительно стали уходить один за другим – доживали до пятидесяти пяти – шестидесяти, худели, превращаясь чуть не в скелеты.) Все десятилетия работы предприятий была угроза мощного взрыва – недаром поселок построили на пересеченной местности, под этими самыми гор-

ками, чтоб не стерла его ударная волна... В общем, и предприятия, и сам поселок – одна из ошибок советской системы. Уезжайте, переселяйтесь, ищите другую работу...

Недалеко от Синих Горок есть старинная деревня Даниловка. От поселка ее отделяли километра три пустой земли, которую отдали под участки синегорцам.

Зинаида Петровна бывала и в самой деревне, а часто смотрела на нее со своего участка – Даниловка находилась немного ниже, была хорошо видна. И всегда такой тоской от нее веяло... Старые дома, кривые заборы, этот неприбранный, неопрятный деревенский быт, разбитые тракторами улицы, по которым легковушки не едут, а ползут, переваливаясь и хромяя...

И вот в Синих Горках начался не то чтобы голод, но нечто, его предвещавшее, – магазины почти опустели. Старая система снабжения погибла, новой еще не было. Везти продукты из города государству стало невыгодно, а коммерсанты до их поселка пока не добрались.

Те, кто помоложе и с машинами, сами ездили в город, снабжали и знакомых, если те просили, но это было дорого – бензин тогда тоже оказался в дефиците, продавали его не на заправках, а с цистерн на трассе втридорога, на автобусах же... Перестали ходить вместительные ЛиАЗы, вместо них пустили коммерческие «рафики» по бешеным ценам; «рафики» эти то и дело ломались.

И некоторые синегорцы пошли в Даниловку. Пошла и

мать Зинаиды Петровны... Машины у них тогда еще не было, а мотоцикл на ладан дышал; раз-другой попросили соседей, ездивших в город, купить продуктов, потом увидели на их лицах неудовольствие, перестали... В общем, мать взяла и пошла в Даниловку.

Принесла две куриные тушки, желтоватые, опаленные, сетку яиц, свежей картошки, соленых помидоров... Через неделю отправилась уже Зинаида Петровна. Но стучаться в калитки, спрашивать, продает ли кто мясо, овощи, как советовала мать, не решилась. Было стыдно. И жутко. Вспомнились пушкинские строчки: «Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий...» Померещился даже человек с гробиком под мышкой.

Помесила грязь на пустынных деревенских улицах и вернулась домой.

Тогда и надела на мужа: сколько лет собираемся машину купить, теперь никаких очередей, свободно продают хоть наши, хоть иномарки, денег полно, которые с каждым днем дешевеют... В ближайшие выходные – муж еще работал, его должность, связанную с обеспечением комплекса и поселка водой, сокращать не собирались – поехали в город, за один день выбрали и оформили «жигули» с небольшим пробегом.

Пришлось нанять человека, чтоб перегнал машину в поселок – у мужа были права на категорию А – управление мотоциклом. И Зинаида Петровна ворчала: «Сколько лет собирался переучиться. Ну вот что теперь делать?..» «Пере-

учу-усь», – вздыхал муж.

Он уже менялся. Не то чтобы становился равнодушным, но на работу уходил, как на повинность, садом и огородным участком интересовался меньше и меньше, зато часто сидел один, листая книги из их домашней библиотеки. Книг было несколько сотен, в том числе и многотомные собрания сочинений, приобретенные по подписке, но читать всё не получалось, было недосуг, и вот муж, кажется, начинал увлекаться чтением. И это Зинаиду Петровну тревожило.

Хотя пыталась себя успокаивать, что ж: дети выросли и разъехались, на комбинате дела неважные, да и возраст уже... Не молодость, в общем.

Потом перемены стали заметней. Муж предлагал переехать к нему на малую родину, под Ворошиловград, у которого к тому времени сменилось название на прежнее. Зинаида Петровна с матерью были против категорически: «Во-первых, это другая страна теперь, а во-вторых, кто нас там ждет, кому мы там нужны?» Мужа увезли оттуда в начале войны в один райгородок соседней области, где он и прожил до поступления в университет в их городе. На родине за всё время побывал два раза – один раз студентом, второй – с молодой женой. Какие-то дальние родственники, с которыми хорошо за столом посидеть, но которые вряд ли обрадуются, если к ним заявятся насовсем... И теперь Зинаида Петровна была рада, что не согласилась. Теперь там снова война...

Муж пристрастился к алкоголю. Не то чтобы напивался,

но пил часто, шумно. На берегу с давних пор были вкопанные в землю деревянный стол и лавки, и вот там он и его приятели стали проводить время. Еще и грибок железный смастерили, чтоб от дождя прятаться.

В выходные сидели, а то и после работы. И муж пел. Никогда раньше она от него не слышала песен, а тут – прорвало. И песни какие-то... не из их краев.

...Ой да, офицер-майор,
Отпусти домой,
Ой да, отпусти домой
До матки до родной!..

Пошли скандалы, бухли обиды. Какая-нибудь мелочь из далекого прошлого вдруг становилась важной, начинала болеть, и Зинаида Петровна или муж упрекали, поминали, корили, а то и попросту оскорбляли. Мать пыталась мирить их, но сама быстро заражалась их раздражением, ругалась и с зятем, и с дочерью.

Новые права муж получил, но поехать на машине не успел, да и не хотел. Стояла под дождями, снегом, палящим солнцем рядом с соседскими гаражами. Чтоб купить или построить гараж, Зинаида Петровна и не заикалась. Тем более увидела однажды – как глаза открылись – муж-то тает.

Первой мыслью было: допился. Заставила пойти на обследование, оказалось – лейкемия. Какая-то уже последняя стадия. И через полтора года его не стало. Следом ушла и мама.

И осталась Зинаида Петровна одна в трехкомнатной своей квартире, с садом и огородом, «жигулями» под окнами. В гибнущих постепенно Синих Горках.

Сын и дочь звали ее к себе, впрочем, не очень настойчиво. Да она бы в любом случае не поехала. Здесь прошла ее жизнь, и себя в другом месте она уже не представляла.

Дети в первое время приезжали часто. Гостили, иногда с внучками. Машину и сад продали, деньги поделили. Постепенно наезды стали реже, да оно и понятно – дочь совсем далеко, у сына работа, внучки учились сначала в школе, потом в вузах, а теперь уже и работают, взрослые... А у Зинаиды Петровны тянется и тянется один и тот же день... Да, она помнит, был такой фильм – «День сурка», его часто показывали по телевизору; но ее повторяемость событий не пугает, наоборот, пугают мысли о неожиданных переменах, о том, что может выбить ее из той самой колеи. Выбьет, и полетит она в тартарары.

Запросто полетит – она чувствовала: и физическое, и, как говорится, моральное здоровье у нее на пределе.

Держала себя, не позволяла скиснуть. Часто гуляла, бывало, и по вечерам. Вечера, особенно летние, ей очень здесь нравились. Живительная свежесть с реки, запах трав и цветов, тишина. Правда, тишина бывала совсем уж полной, мертвой какой-то. И очень мало окон горело в домах...

Несколько лет назад произошел страшный случай. Для поселка в неполные теперь пять тысяч жителей это была тра-

гедия.

Местная девушка пропала. Алина. Окончила школу, поступала куда-то в городе, не поступила, жила здесь, говорят, как в клетке. Никто ее не держал, но и возможности устроиться в другом месте не было. Или она эти возможности не замечала. Может быть, и боялась... Бывает так: хочешь изменить свою жизнь, но боишься. И маешься. Вот она и маялась. И однажды, поздняя осень была – Зинаида Петровна запомнила, что как раз лед на Иртыше вставал – пропала.

Сначала думали – уехала. Но мать и отчим говорили: никуда не собиралась, денег у нее нет. Сидела дома, иногда в Дом культуры ходила, к подружкам.

Сутки нет, неделю, две... Отчима стали подозревать, хореографа местного, который танцевальную студию вел. С этим хореографом Алину видели накануне или даже в день пропажи. Допрашивали их, но вроде бы не арестовывали. Да и так – подозреваемым – приятного мало быть, видеть на себе косые взгляды. Отчим из выпивающих, про хореографа поговаривать стали, что и к Алине он знаки внимания проявлял, и к другим девушкам... Кажется, под подписками о невыезде были...

Искали девушку – прочесывали берег, дачки, подвалы. Весной рыбаки нашли далеко ниже по течению. В зимней куртке записка оказалась, сумели прочитать, что надоело ей все, никакого будущего не видит... Хореограф тут же переехал.

Зинаиде Петровне в силу возраста вроде как ничего не нужно, кроме тишины и покоя, но на нее порой такая тоска находит, что ей кажется, она понимает эту глупенькую Алину...

Года два назад вдруг начались в Синих Горках перемены. Не те, каких боялась Зинаида Петровна, а какие давно уже устала ждать, перестала верить. Поселок заметно наполнялся людьми. Не пенсионерами, которым иногда здесь покупали квартиры, чтоб доживали на свежем воздухе среди подобных, а молодыми, деятельными, активными.

Стало известно, что нефтебазу начинают снова переделывать в химкомбинат, изучают состояние завода и планируют восстановление...

Она смотрела телевизор, разговаривала со знакомыми – знала о происходящем в мире. Видела, страна проснулась, зашевелилась, заработала, начала показывать силу. Но в то, что это шевеление и работа доберутся до их Синих Горок, что обретут они вторую жизнь, и представить не могла. Слава богу, ошиблась.

Прошлой осенью расконсервировали больницу. Ту самую, которой сначала удивлялись – зачем такая большая? – потом гордились, а последние лет пятнадцать оплакивали, наблюдая, как она ветшает, буквально осыпается.

А этим летом, в июле, Зинаида Петровна решилась и дошла до своего дачного участка, на котором из построек был туалет и сарайчик для инструментов, собрала немного виш-

ни с нижних кустов. Не пропадать ведь ягоде – в морозильнике заморозит... Глянула в сторону Даниловки и охнула: там желтели свежие срубы домов, зеленели новые крыши. Деревня тоже словно бы обрела вторую – или какую там за время с ее основания? – жизнь.

В августе приехала старшая внучка. Ей за тридцать, но мужа и детей нет. Не хочет. Много лет работала журналистом, а недавно переучилась на дизайнера.

Об этом и заговорили после приветствий, за чаем.

– Нет теперь журналистики, баб, – сказала внучка.

– Ну как же... – Зинаида Петровна сделала вид, что удивилась (отчасти она разделяла это утверждение, но работа дизайнера казалась ей какой-то нестоящей, игрушечной, что ли). – Как нет? И новости вон сплошные, репортажи о проблемах, – кивнула на телевизор, – и газеты выходят, в Интернете тоже... – Интернетом она почти не пользовалась – не то чтобы не умела – боялась пропасть в нем, как в омуте. – Пишут, говорят, спорят...

– О разрешенном, баб, о разрешенном. Каждую мелочь надо согласовывать, перепроверять сто раз. Кого можно упоминать, кого нет...

– Разве это совсем уж плохо – перепроверять? Сколько лилось клеветы всякой, ничему верить было нельзя.

Внучка поморщилась:

– Да и сейчас ничему не надо верить.

Зинаида Петровна чуть не сказала: «Ну а как жить тогда,

ничему не веря?» Остановила себя – не надо спорить, – спросила о другом, постаравшись сделать голос мягче, доверительней:

– Молодого человека-то не встретила?

– О-о, – снова поморщилась внучка – прямо как подросток морщилась, кривилась. – Много их встречается, только без толку.

– С таким настроем и замуж не выйдешь, и детей не появится.

– Может, оно и к лучшему...

Так ее ждала, так радовалась приезду, а теперь хотелось одной оказаться. Спокойней одной.

– Такое время, баб, – стала объяснять внучка тоже помягчевшим тоном, – не до свадеб, не до детей. Всё вон горит, взрывается, ужас сплошной.

– И что теперь? Еще хуже было, и ведь ручки не складывали...

– На моем веку хуже не было.

Помолчали, без аппетита отпивая чай из чашек... Да, тягостный у них получался разговор, но в то же время в голове Зинаиды Петровны словно бы зашевелились давно заржавевшие шестеренки. И она задала новый вопрос, с подвохом:

– А на новой работе как?

Внучка мгновенно воодушевилась:

– Там всё отлично! Дома строят, квартиры ремонтируют. Так что я, баб, нарасхват.

– Ну, вот видишь, люди помирать не собираются. Еще, поди, и детские спальни просят придумать...

– Так, ладно. – Внучка поднялась. – Устала с дороги. Я пойду полежу, можно?

– Да-да, там белье свежее. Отдохни.

На другой день гуляли по центру. Острых тем старались не касаться. Зинаида Петровна ненавязчиво обращала внимание, что вот школу отремонтировали, заводоуправление реставрируют, больницу открыли. А все эти годы приходилось или скорую вызывать, которая ехала в лучшем случае час, а так – часа три, или к ним сюда приезжала бригада врачей раз в месяц – измеряли давление, выслушивали жалобы, слушали легкие, сердце...

Внучка и радовалась, и тут же морщилась. Накачали ее где-то там негативом, утонула, видимо, в интернетовском омуте.

– О! – вскрикнула, совсем как в детстве. – Черемуха!

И подбежала к дереву, стала срывать красные ягодки, бросать в рот.

– Красная вкусней черной! Сто лет не ела...

Да, кто-то еще тогда, во время строительства поселка, высадил целую аллею красной черемухи, которой в этих краях до того и не видывали. И вот до сих пор большинство деревьев живы, правда, подсыхают. Но за ними следят – сухие ветки спиливают, стволы понизу белят...

– Давай завтра до участка сходим, – предложила Зинаида

Петровна. – Кизил надо собрать. – Она очень гордилась кизилом, который когда-то, саженцем, не просто выжил в их суровые зимы, но и превратился в огромное дерево. – Компота наварим. Может, и вишня еще осталась. Месяц назад хорошая была...

– Конечно, баб! – Внучка совсем развеселилась, тянулась руками к ягоде, громко выплевывала косточки.

– Заодно посмотришь, какой деревня стала, Даниловка.

– А какой она стала?

– Будто новая. Дома перестраивают, крыши этим, металлочерепицей или чем там, кроют...

Внучка стала серьезной:

– Сейчас повсюду так. Деньги у людей появились. Но лучше, чтоб не появлялись... Это, баб, кровавые деньги.

Зинаиду Петровну как холодной водой обдало.

– С чего это?

– И завод с комбинатом тоже... Не для полетов на Марс там моторы будут делать, как вы мечтали и меня приучили... Для ракет, которые на людей полетят.

Зинаида Петровна смолчала. Вернулись домой; она сослалась на то, что плохо себя чувствует, ушла в спальню. Лежала, думала... Может, всё так, всё так. Внучке лучше знать. Хотя откуда? Наслушалась, начиталась... А телевизор она, сколько раз с гордостью говорила, не смотрит. Вот и черпает из того омута... «На людей»... На тех людей и ракет не жалко. И не люди они, такое творить...

Гнала, гнала, гнала от себя сомнения. Начнешь сомневаться – и разрушится эта вторая жизнь. Рассыплешься, превратишься в пыль, труху. И первая жизнь станет напрасной, ошибочной. Поэтому нельзя, нельзя ей в восемьдесят семь лет сомневаться.

Поднялась. Постояла и села. Посидела, решаясь. Посмотрела на часы. Встала и пошла в зал.

Внучка сидела на диване и пристально смотрела в телефон.

– Знаешь, – заговорила Зинаида Петровна; внучка вздрогнула и перевела взгляд на нее. – Ты, наверное, поезжай. Всё хорошо у меня. Поезжай. Автобус будет через сорок минут. Успеешь.

Вернулась к себе, закрыла дверь. И накинула крючок на петлю.

2025

Срыв

Повесть

До поры до времени Сергея Игоревича коробило, когда его называли по имени-отчеству: он долго, дольше, наверное, чем это бывает у большинства других, считал себя молодым человеком. Серьезным, авторитетным, но молодым. «Талантливый исследователь Сергей Палагин» звучит куда лучше, чем то же самое, но со вставкой «Игоревич». С отчеством какая-то каменность, завершенность. Как на обелиске.

Хотя...

В районе сорока пяти коробить перестало. Наоборот, стали отвратительны эти стареющие, а то и вовсе престарелые, с бурыми бляшками на лицах «юноши», притворяющиеся буревестниками невесть чего. Чего-то всё время наклевывающегося, зреющего, но так и не созревающего.

Так, бывает, зреет в степи ливень. Сталкиваются тучи, слипаются, сбиваются в твердый темно-серый, свинцовый ком; начинает грохотать гром, и режут небо стрелы молний. И все это прямо над тобой, над самой твоей головой. Кажется, сейчас тучи ухнут вниз ручьями воды или картечью града. Мечешься, ищешь укрытие, а потом замечаешь, что отара овец спокойно пасется, медленно выедавая скудные степные травы. Овчарка улыбается, суслик стоит над норкой, на-

смешливо наблюдая за твоими скачками. И ты понимаешь: ничего не будет. Погремит, посверкает и исчезнет.

И действительно – гроза не разражается ливнем или градом, не уходит, а именно исчезает. Что-то там, какая-то сила разрывает этот свинцовый ком, разгоняет в разные стороны, превращает тучи в жалкие грязноватые облака. И они тоже вскоре пропадают.

Так и стареющие юноши – бессмысленные бунтари. Громыхнут, напугают, исчезнут, снова появятся на какой-нибудь конференции, опять громыхнут грозно – вызвав минутное замешательство, и растворятся на время.

Эти юные борцы существуют в науке десятки лет, постепенно превращаясь в изюминку и перчинку конференций. «Увал – это южный склон холма! – отчеканивают они с трибуны исступленно. – И ничего более. Ни-че-го! Необходимо закрепить это в словарях!» И скатываются вниз, выбегают из зала. В буфет, глотать теплую водку.

Оставшиеся поулыбаются, поморщатся этому исступлению и продолжат обсуждать более важные и сложные вопросы...

Сергей Игоревич не сделал в своей жизни больших открытий, не создал и не разрушил ни одной теории. Он просто изучал то, что еще существовало в русском языке, но медленно гнило, стиралось, и своим изучением, фиксацией, выражавшейся в статьях и докладах, замедлял эту гибель, приостанавливал исчезновение. И даже возвращал к жизни кро-

хи.

Еще подростком, в середине восьмидесятых, он стал заниматься в этнографической школе при одном сибирском университете, увидел, сколь богата и разнообразна материальная, духовная, речевая культура того участка Сибири, где он жил.

Школа была заочной – Сергей Игоревич, тогдашний Сережа, отправлял туда свои сообщения, рефераты, в ответ получал отметки, вопросы, задания. И если бы решил поступать в тот университет, у него было бы преимущество перед другими абитуриентами. Но выбрал Москву, ни много ни мало – МГУ. Поступил на филфак, кафедра русской диалектологии...

За без малого тридцать лет были сотни экспедиций, командировок, публикаций, состоялась защита кандидатской, потихоньку готовилась докторская. Почти каждое лето Сергей Игоревич вырывался на родину, изучал изменения в говоре земляков, убеждал их беречь язык, слова, которые использовали их родители, бабушки, дедушки.

Он не преподавал, но постепенно спонтанные выступления оформлялись в лекции. И сначала Сергея Игоревича приглашали в библиотеки, училища (вузов там так и не появилось), школы в родном городе, а потом предложения выступать, рассказать о языке, который мы теряем, стали поступать и из других городов, районных центров.

Последние годы основным занятием Сергея Игоревича

были такие вот поездки. Для каждого региона, исторически сложившегося округа он составил свои лекции с использованием, толкованием, расшифровкой присущих данной территории диалектных слов, оборотов, фразеологизмов... За лекции он получал где больший, где меньший гонорар. Всё, конечно, по закону – с договорами, вычетом по СНИЛС, и так далее...

В свои сорок пять Сергей Игоревич был легок на подъем, еще, как сам считал, молод душой, и когда его спрашивали: «простите, а как по отчеству?» – чаще всего с улыбкой отмахивался: «Да просто Сергей. Рано еще с отчеством».

Но однажды увидел себя на фото в Интернете: сидит на каком-то круглом столе; снимали сверху и чуть сзади, и на своем темени он с ужасом и отвращением обнаружил безобразные, неопрятные проплешины.

«Что?!» – отшатнулся от экрана компьютера. Думал, просто залысины появились, лоб сделался шире, а тут...

В комнату вошла жена, посмотрела на фото без удивления.

«Ты замечала? – придушенно спросил Сергей Игоревич. – Почему не сказала?»

«Не хотела расстраивать. Что ж...» – И погладила его по этому плешивому темени.

Он быстро успокоился: действительно, что ж, прилично за сорок, мало кто в его годы с густой гривой. Некоторые доктора наук, стесняясь лысин, бреются и становятся похожими

на братков из девяностых.

Сергей Игоревич стал чаще посещать парикмахерскую – просил стричь короче. Прикрытые прядями волос плешины были ему с детства противны: в фильмах у жалких, подловатых персонажей часто была такая прическа. Лучше уж редкий ежик...

Да, успокоился, смирился, но и как-то внутренне повзрослел. Стал чаще надевать пиджак, хотя еще недавно даже на конференции, конгрессы приходил в пуловере. И против вопросов «как по отчеству?» ничего теперь не имел, отвечал с покорной готовностью «Игоревич».

Появилась неприятная самому себе солидность, осанность и в то же время... Он стал замечать, что заглядывается на девушек, с каким-то изумлением следит за их движениями, ловит их взгляды. Не женская красота, как раньше, а девичья свежесть стали тянуть к себе.

Женат Сергей Игоревич был уже больше двадцати лет. Ни большой страсти, ни шумных скандалов за это время не случилось. Жена, из семьи московских научных интеллигентов, и его, мужа, нашла в такой же среде. Он учился на четвертом курсе, она – на втором. Он уже делал успехи, приобрел известность на факультете, публиковался: ясно было, что не бросит науку, это всерьез и на всю жизнь.

Ему понравилась проявляющая к нему внимание московская студентка. Что называется, подружили около года и затем поженились. Поселились в трехкомнатной квартире ее

родителей, которые большую часть времени проводили на даче совсем рядом со столицей – в Малаховке.

Родились дочь и сын. Сейчас им девятнадцать и семнадцать лет. Взрослые люди. Жена, до сих пор миловидная, сохраняющая фигуру и женственность, была для Сергея Игоревича единственной. Несколько случайных и коротких физических сближений с другими сложно назвать изменами – они воспринимались и вспоминались, как сны. Иногда довольно приятные, иногда не очень.

И женщины, с которыми оказывался близок, видимо, воспринимали это примерно так же. Страстные в эти час-два-три, они поднимались с постели и собирались домой. «Дети ждут, муж эсэмэсками закидал, – объясняли без сожаления и досады. – Я пойду... спасибо». И Сергей Игоревич отзывался: «Спасибо».

Они уходили, наверное, удовлетворенные тем, что привлекательны для мужчин, которых в этот момент олицетворял он, Сергей Игоревич, но не считающие его теперь, после часов вместе, своим, а себя – его. Побыли с ним, убедились в чем-то для себя важном и пошли жить дальше. Любить мужа, воспитывать детей, готовить для них еду, прибирать дом. И у Сергея Игоревича ни разу не возникало желания задержать женщину, сказать: «Оставайся».

Случалось, начинала мучить совесть, он опасался, выпив, или в минуты размолвки, приливов раздражения, или в момент душевного единения сознаться... Но однажды обнару-

жил в одной из книг о Достоевском такую фразу – набросок к какому-то произведению: «Нечаянное совокупление с женщиной, которая побыла минуту и ушла навсегда».

Сергея Игоревича удивительным образом успокоили и даже оправдали эти простые в сущности, слова. К ним приросли другие, из стихотворения Есенина: «Знаю я, они прошли, как тени, не коснувшись твоего огня». Действительно, не коснувшись. Но что-то дав, что-то важное оставив.

* * *

В однодневную поездку в небольшой и новый город на самом востоке Западной Сибири Сергей Игоревич отправился без всякого желания. Договоренность о лекции была заключена месяца два назад; за это время он набросал тезисы, сделал разбор и толкование нескольких фразеологизмов, возникших из соединения русских и ненецких, русских и эвенкийских слов. Обсудил сумму гонорара, который оформили как «оказание услуг», выслал паспортные данные, банковские реквизиты, получил электронные билеты.

В назначенный день собрал походную сумку, дежурно попрощался с женой (дочь была у жениха, а сын уже спал в своей комнате) и поехал... В последние годы добирался до аэропортов на экспрессе. Недешево, конечно, зато надежно. Приезжаешь в срок, не томишься в ожидании посадки на самолет.

Зарегистрировался Сергей Игоревич еще утром по Интернету, распечатал посадочный дома на принтере и сейчас без задержек прошел все контроли и проверки. Выпил бокал «Старого мельника», и тут, как раз когда пиво стало действовать, объявили посадку.

Уснул еще до взлета, а проснулся через три часа от мягкого голоса стюардессы, словно бы читающего стихи:

– Ставим спинки кресла в вертикальное положение. Самолет начинает снижение.

«Черт, кормежку пропустил», – стал было досадовать Сергей Игоревич, но неискренне – есть не хотелось. Хотелось еще поспать, и он успокаивал себя тем, что сейчас быстро минует зону прилета, окажется в теплом и темном салоне мощного внедорожника и еще часа два покемарит, – от аэропорта возле окружного центра до того города, куда его пригласили, километров триста...

Сергей Игоревич часто летал в восточную часть страны. Летом перелет каждый раз удивлял – поднимаешься в Москве вечером, на заходе солнца, но ночь не наступает – солнце, сползавшее за горизонт за спиной, почти сразу появляется впереди... Да, впечатляюще, хотя, конечно, нездорово для организма – терять ночь.

Теперь же было не лето, а конец ноября; самолет взлетел в темноте и в темноте приземлялся.

От трапа до аэропорта было буквально сто метров, но подали автобус. Не по необходимости, а, видимо, чтоб пока-

зять: наш маленький аэропорт ничем не хуже больших и знаменитых.

Загружались много дольше, чем ехали. Успели замерзнуть. Хорошо, что в зале прилетов – одноэтажном, обшитом пластиковыми рейками здании, стоящем отдельно от двухэтажного зала вылетов – было тепло, даже жарко: из-под потолка били горячим воздухом кондиционеры, а у выхода в город стояла тепловая пушка.

Багажа у Сергея Игоревича не имелось, и он бодро вышел туда, где толпились встречающие, приостановился, ожидая, что сейчас его окликнут, поведут к машине.

Но никто не окликал; бумажку с его именем-фамилией, городом, где он должен выступать, организацией, которая пригласила, он не увидел... Заметив его замешательство, оживились таксисты:

– Куда едем?.. Машина нужна?..

– Меня встречают, – уверенно отвечал Сергей Игоревич, но заскребло беспокойство – он знал, что аэропорт этот один на несколько городов и поселков в слабозаселенном, малоосвоенном краю.

Миновал стенку из встречающих, еще постоял, поворачиваясь так и этак, надеясь, что его узнают. Не узнали. Ясно, что некому было узнавать... Сергей Игоревич подошел к ряду сидений, поставил сумку. Снял пальто.

Начали появляться пассажиры с чемоданами, коробками; их радостно приветствовали, обнимали, слышались звонкие

звуки поцелуев. Целовались с чувством и мужчины друг с другом; Сергей Игоревич отметил: «Так не стесняются целоваться теперь только очень далеко от Москвы».

Он искоса, но с интересом наблюдал за людьми. По большей части коренастые, полные, но не рыхлые, не раскормленные. Сильные. Улыбаются широко, не боясь продемонстрировать нехватку зубов... Пахло напоминающим пельменный бульон потом, мехом, кислым тестом; этих запахов в самолете Сергей Игоревич не чувствовал – их принесли сюда встречающие, люди совсем другого, нестоличного, мира. Когда-то частью такого мира был и он, Сергей Палагин, а теперь навывался время от времени, гостем...

После смерти родителей квартиру – двухкомнатку в гнилой пятиэтажке – продали, деньги разделили между ближайшей родней, попутно переругавшись. Бывая изредка в своем городе, Сергей Игоревич останавливался в гостинице. И это было тяжело – жить в гостинице там, где родился и вырос...

Во время командировок к себе домой его приглашали редко, а без знания, как обставлены жилища, что готовят на своих кухнях, как разговаривают в быту, а не на мероприятиях понять жизнь местных, увидеть различия, скажем, томичей от омичей было невозможно. А надо бы... надо.

Зал опустел. Остались лишь охранники на входе, еще какие-то работники аэропорта, девушка за стойкой с надписью «ТАХИ 2+»... Тихо и тревожно.

Сергей Игоревич достал блокнот с контактами, телефон.

Набрал номер некой Любови Петровны, которая, видимо, отвечала за его прием.

– Аппарат абонента выключен, – почти сразу заговорила в трубке бесстрастная автоматическая женщина, – или находится вне зоны действия сети.

– Ни фига себе ситуация!

Его развлекло это произнесенное им, сорокапятилетним человеком, кандидатом филологических наук, словцо из детства – «ни фига». Даже поулыбался, похвалил себя за своеобразную смелость... Но тревога быстро вернулась.

– Может быть, вам помочь? – спросила девушка за стойкой.

Судя по выражению лица, она была искренна в этом желании. Только как она поможет, чем? Посадить в такси своей фирмы по какому-нибудь суперльготному тарифу?

– За мной должны приехать, – подчеркнуто твердо сказал Сергей Игоревич, услышал в этой подчеркнутости почти отчаяние; отвернулся от девушки, сел рядом с сумкой.

Достал папочку из толстого картона с записями будущего – сегодня вечером – выступления в библиотеке. Прочитал несколько тезисов и захлопнул. Тревога крепла, стягивала так, что стало подташнивать. Не тревога уже, а ужас какой-то...

Не в силах сидеть, изображая спокойствие, вскочил, надел пальто, бросил на плечо ремень сумки, принялся ходить по залу.

С чего ради ужас? Что вообще такого? Ну, не встретили – приедут с минуты на минуту. Со временем не рассчитали, еще что? В крайнем случае перейдет в соседнее здание – в зал вылетов, – сядет в кафе каком-нибудь... Воображение уже рисовало, как покупает билет и летит обратно. Денег достаточно, билеты наверняка есть. Не советское время. Потом разберется с этой Любовью Петровной или кто там у них главный...

– Скажите, – остановил женщину в синем пиджаке и синих брюках, – а в Москву часто самолеты летают?

– Два раза в сутки. Сейчас идет посадка, а следующий – в пятнадцать часов.

«Ну и хорошо, хорошо, – попытался порадоваться, – в пятнадцать и полечу».

Правда, успокоиться не получалось. И не то чтобы он злился на то, что его не встретили, на всю эту ситуацию... Ему казалось всё навязчивей, что вот сейчас войдут с улицы крепкие мужчины, оглядят его, одинокого, непонятно что делающего в этом здании, и скажут: «Пройдемте с нами». Скажут тихо и так весело, что он не посмеет возмутиться, отказаться, выяснить... Выведут, посадят в автомобиль, и он исчезнет. Ведь исчезают каждый день люди. Как-то ведь это происходит. Может, и так.

В школьные годы он чувствовал потребность, необходимость выделиться из окружающих. Попытки были, конечно, глупые и смешные. Класе в седьмом, помнится, взял и стер

изображения учебников с шеврона на рукаве ученического пиджака и нарисовал вместо них череп с костями, и за это получил выволочку сначала от завуча, а потом от родителей. Маме пришлось спороть испорченный шеврон и пришить на его место другой, со старого пиджака... Волосы зачесывал тогдашний Сережа Палагин под вид панковского гребешка и слышал от взрослых сердитое: «Причешись нормально!» Пионерский галстук частенько носил задом наперед – как ковбойский платок... Да, много было таких мелочей, с помощью которых он показывал: я не как все.

На первом, втором курсах университета тоже пытался выделяться, но подобных ему выделяющихся в Москве было слишком много, – почти все, – и постепенно эта потребность угасла. И свитер на серьезных конференциях стал не способом отличаться от остальных, а... Удобнее просто в свитере, чем в пиджаке, вот и надевал свитер.

Иногда с некоторым удивлением Сергей Игоревич замечал за собой, что предпочитает изученное, проверенное, а неизвестное его пугает и тревожит. Через те дворы, по которым привык ходить, шагает спокойно, уверенно, новые же маршруты вызывают беспокойство, чуть ли ни панику. Какие-нибудь митинги огибают на значительном расстоянии, хотя внутри тормозило любопытство... Если к нему подходили или вставали на пути нищие, похмельные, раздаватели реклам, Сергей Игоревич съеживался и бормотал, словно сквозь тяжкую дрему: «Нету... не курю... не надо...» Даже

если кто-нибудь спрашивал, как пройти к такой-то улице, он сначала отшатывался, дергал головой отрицательно, а потом уже, очнувшись, говорил: «А, это вот здесь... Направо, и – будет».

Однажды его сделали понятым. Возвращался с работы и услышал: «Уважаемый!» Наверное, если бы не обернулся, его бы не остановили – не догонять же, не хватать... Но это «уважаемый» прозвучало так, что ноги застыли.

Повернул голову. Его подзывал милиционер, довольно молодой, но широченный – голова казалась слишком маленькой на таком туловище и была словно приставлена с другого человека.

«Уважаемый, – повторил милиционер это, вообще-то, идиотское, но почему-то очень ходовое у милиционеров слово, – у вас паспорт с собой?» – «Да, конечно». – «Пройдемте со мной тогда. Понятым».

Что такое понятой, Сергей Игоревич, естественно, знал, помнил, что это обязанность гражданина. И послушно последовал за милиционером. Послушно, но неохотно. Приятного мало... Может, там труп лежит и придется наблюдать, как его обыскивают, смотреть, каким способом человек умерщвлен... Но неохоту, брезгливость заслоняла тревога, а потом ледяным ручьем откуда-то из пяток к сердцу, голове засочился страх. Очень быстро ручей превратился в поток. Тем более что идущий впереди милиционер постоянно на него оглядывался. Будто цеплял взглядом добычу. И

вопреки здравому смыслу Сергею Игоревичу стало казаться, что это никакой не милиционер, а переодетый бандит. Сейчас заведет вот под эту арку, хрястнет, обшарит. Или столкнет в подвал, и Сергея Игоревича сделают рабом... А если и милиционер, то где гарантия, что не запрет в камеру? А потом навесят какое-нибудь дело... Шел и понимал, что эти мысли глупость, идиотство, а сердце дергалось и требовало остановиться, закричать, позвать на помощь...

Милиционер привел его в отделение, где Сергей Игоревич понаблюдал за обыском в чем-то заподозренного мужика. Понаблюдал, подождал, пока составят протокол и запишут его, Сергея Игоревича, и еще одного понятого паспортные данные; расписался и пошел дальше.

Но долго еще леденил страх, ручеек не исчезал.

При этом он никогда не считал себя трусом, да и на самом деле не был им: не раз дрался даже во взрослом возрасте, как-то отбил среднеазиатскую женщину от тягавших ее монголоидных ребят, осадил хама в очереди к кассе в супермаркете.

Не в трусости дело. Не в ней. Просто страшно становилось, когда оказывался в необычных, непривычных ситуациях. В таких, как сейчас.

Тьма и мороз за окном, «аппарат абонента выключен или...»; служащие аэропорта поглядывают со всё большей подозрительностью... Действительно, что за хрен болтается здесь уже второй час...

Любовь Петровну он, естественно, никогда в жизни не видел, но сразу узнал, когда она влетела в зал прилетов.

Дежурившие на входе полицейские попытались было ее остановить: «Из карманов, пожалуйста, всё достаем», – но она не обратила внимания, под писк рамки металлоискателя бросилась к Сергею Игоревичу:

– Извините! – рыдающе просила. – Извините, ради Христа!.. Опозорились!.. Машина эта проклятущая... Под капотом что-то сломалось, и никак...

– Всё нормально, нормально. – Сергею Игоревичу стало неловко от такого эмоционального шторма, тревога и страх сразу улетучились, теперь было жалко эту немолодую, грузную женщину со страдальчески искаженным лицом. – Не переживайте.

– Да как... Заставили ждать, беспокоиться... И телефон не ловил, как назло... перед самым концом тут заработал. И не стала звонить, толку-то...

– В порядке машина? – перебил Сергей Игоревич. – Едем?

– Едем, едем, конечно... Наладили, помогли...

Машина была несерьезная для этих суровых краев – какая-то низенькая «тойота»-легковушка. В их многочисленных модификациях Сергей Игоревич не разбирался.

– Вперед сядете? – переходя с рыдающей интонации на

вполне деловую, спросила Любовь Петровна.

Праворульная... У него был опыт езды на переднем пассажирском сиденье в таких машинах. Ощущение, что каждая встречная летит прямо на тебя...

– Я лучше сзади. Может, подремлю. – И, начиная подмерзать, Сергей Игоревич скорее полез в салон.

Водитель, тоже немолодой и тоже грузный, поздоровавшись, стал извиняться за задержку, ругать свою «телегу». Сергей Игоревич его не останавливал, и водитель вскоре замолчал.

– Сейчас завернем перекусить, – вместо него включилась Любовь Петровна. – Вы ведь не завтракали, да и мы с этой поломкой... На завтрак в гостинице уже не успеете. Не против?

– Можно. – Есть не хотелось, но кто знает, что там дальше...

Голова после перелета, часового торчания в аэропорту и сытного завтрака была тяжелой, но в сон не тянуло. Хотя Сергей Игоревич делал вид, что спит. Притиснулся головой к углу между спинкой сиденья и мягкой обивкой кузова, смотрел в окно.

Снега почти нет – так, слегка припорошенные белым трава, деревья.

Деревья... Но лучше бы, наверное, голая тундра до горизонта, чем такие деревья – торчащие дистрофичные палочки чуть выше человеческого роста. Почти без веток, с загну-

тыми, а то и скрученными в спираль, будто небо не давало расти дальше, вершинками.

И торчат эти палочки на плоской поверхности на сотни километров во все стороны. Никаких примет, отличий, ориентиров, и уже непонятно, где тут север, где восток, юг, запад. Страшное, сводящее с ума однообразие. Без умения пользоваться компасом, ориентироваться по солнцу, звездам, мху тут действительно сгинешь.

Дорога-бетонка прямая, как взлетная полоса, каждые две-три секунды колеса постукивают о стыки плит. Это постукивание и пейзаж баюкают. Веки наползают на глаза, тело расслабляется, размякает... Недаром по обочинам, на стволах так часто висят венки – бьются на таких дорогах куда чаще, чем на петлях, перевалах...

И, боясь, что водитель с Любовью Петровной уснут в молчании под это постукивание и старая японка полетит под откос или вомнется в лоб встречного грузовика, Сергей Игоревич стал расспрашивать о городе, о жителях, библиотеке, в которой пройдет выступление.

– Город у нас – старейший в округе, – с готовностью и гордостью отвечала женщина. – Отсюда и началось освоение северо-восточной части Сибирской равнины. Сейчас запасы нефти, конечно, истощились, но пятьдесят лет назад город гремел на всю страну... Кто живет? Много пенсионеров – бывшие нефтяники, газовики, решившие не покидать край, ставший родным...

«Как из рекламного постера», – отметил фразу Сергей Игоревич.

– Много магазинов, четыре школы, детские садики, спортивный комплекс большой. В общем, нормальный, полноценный город у нас. Хоть и маленький... Был когда-то аэропорт для местных самолетов... малой авиации, но сейчас закрыт. Удобней, считают, так, на машинах... Полный интернационализм – все есть. Живут и представители малых... кмх... малочисленных народов, – поправила Любовь Петровна. – Эвенки, ненцы, кетов немного, селькупов... Хочется подробней о них узнать, детям показать нашим, как всё тесно, как культуры переплелись, языки... Вот узнали о лекциях ваших, решили пригласить... Библиотека хорошая, просторная. Раньше детский сад в здании был, но когда рожать меньше стали, в конце девяностых, отдали нам его... В старом здании у нас хранилище. Если захотите фонды посмотреть – покажем. Оно рядышком...

Сергею Игоревичу уже надоело слушать, отвлекся на свои мысли, вернее, какие-то блики мыслей; он смотрел вперед, на съедаемые машиной серые плиты дороги, механически кивал женскому голосу... Перевел взгляд налево, потом направо. Плоский хилый лес продолжался, и голова слегка закружилась от монотонности.

Сам он родился и вырос тоже в Сибири, но в других краях – на юге, где горы защищают от холодных ветров плодородные долины, где бегут быстрые реки, лежат в холмистых –

увалистых, как говорят местные – степях крошечные теплые озера. Там глаз ласкает если не красота, красота – понятие относительное, то уж точно разнообразие. А здесь...

– А олени у вас обитают? – поинтересовался, когда Любовь Петровна выговорила, и молчание стало тяготить.

– Да е-есть, – тут же отозвался водитель, словно опережая женщину. – Севернее там большие стада. В Финляндию продают.

Любовь Петровна обернулась к Сергею Игоревичу:

– Вам оленина нужна?

– Нет-нет, я так...

«Тойота» замедлила бег, проехали перекресток. Сергей Игоревич не стал спрашивать, куда и откуда ведет та дорога, которую миновали. Такая же беспросветно прямая, как и их...

* * *

Приближение города угадалось по изменению ландшафта. Появились слабые подъемы, спуски, низинки, в которых росли более толстые и ветвистые деревья. И дорога заизгибалась, словно не желая кончаться.

Машина заскочила на очередную сопочку, и вот впереди и внизу открылось скопление зданий. Да, если уж селиться, то в такой вот котловине – хоть какая-то защита от ветров, а главное – от изматывающей душу ровности...

Издали здания показались Сергею Игоревичу прекрасными, как из сказки, и сам городок напомнил подарочный торт, украшенный оранжевыми, салатовыми, желтыми, фиолетовыми пряничными домиками.

– Ну вот, добрались, можно сказать, – с великим, как после долгой и тяжелой работы, облегчением выдохнул водитель. – А за теми сопками, по ту сторону, тундра уже начинается. Там олени...

Постройки приближались, и ощущение их сказочности у Сергея Игоревича исчезало. Оказалось, что они, разноцветные, веселые, на самом-то деле старые, хилые двухэтажки-бараки, четырехэтажные панельные хрущевки. Балконов на хрущевках не было – их заменяли, а вернее, имитировали этикие бетонные нашлепки под окнами, окрашенные в иной, чем остальное здание, цвет. Издали вроде балкон, а подойдешь и приглядишься – нашлепка.

– Так, мы сейчас в гостиницу, – заговорила Любовь Петровна и деловито, и приветливо. – Успеете отдохнуть... В три у нас обед, и потом потихонечку идем в библиотеку...

В центре оказалось несколько крепких, с умеренными архитектурными изысками зданий. Одни были явно сороковых-пятидесятых годов, другие – совсем свежие.

– Администрация... первая школа... Дом культуры – бывший Дом геолога, – перечисляла Любовь Петровна, – музей... «Роснефть»...

Сергей Игоревич кивал, тихонько одобрительно мычал, а

тем временем пытался понять, чего не хватает на улицах. «А, рекламы нет почти... Хорошо». И тут же заспорил с собой: «Что ж хорошего? Реклама, к сожалению, индикатор экономики».

Он время от времени оказывался в подобных городках без пестрых вывесок и поначалу радовался, в груди теплело, будто возвращался в детство, строгое, но правильное, здоровое, а потом, пообщавшись с людьми, замечал – не очень-то они в этой строгости и правильности счастливы.

– Так, а вот и гостиница, – задвигалась на сиденье Любовь Петровна. – Теперь уж точно можно сказать – прибыли.

Гостиница находилась в четырехэтажке, но не панельной, как большинство других четырехэтажек города, а в кирпичной. На козырьке над входом висела сероватая табличка с синими буквами «Север».

«Логично. Не „Палас“ же, не „Хилтон“», – сыронизировал мысленно Сергей Игоревич.

Оформился быстро; Любовь Петровна расплатилась с администраторшей и напомнила ему:

– Значит, без пяти три здесь встречаемся и идем в ресторан.

– Хорошо, хорошо... А далеко?

– Ресторан? Да вон он – за той дверью.

– М-м... – Сергей Игоревич кивнул. – Удобно.

В первую минуту в гостиничном номере, даже в таком, откровенно говоря, убогоном, напоминающем комнату в

общаге, у него всегда возникало чувство, что свернет горы. Сейчас скинет ботинки, вставит зубную щетку в стаканчик над раковиной, откроет ноутбук и будет работать, работать. Один, в тишине, в чистой, без хлама, комнате.

Но вот рука тянется к пульту телевизора, непреодолимо хочется прилечь на кровать. Тело тяжелеет, и Сергей Игоревич чувствует, как он устал. Не от чего-то устал определенного, не от дела, а так – глобально. Как молодежь говорит: по жизни.

Старость – это, наверное, не столько болезни, а именно усталость. Старым можно стать и в тридцать лет, а можно оставаться молодым до шестидесяти и дольше. Вон сколько по возрасту стариков, на деле же – этикие моторчики... Хотя ничего дельного эти моторчики не производят. Так, вертятся, вхолостую... Да и другие – тоже. Жужжат, вертятся, а толку-то...

Сергей Игоревич пошевелился на кровати, и та жалобно заскрипела. Не пружинами или панцирем, а деревянными стыками каркаса... Задвигался активнее, и скрип стал громче, из жалобного превратился в умоляющий: не надо, не надо...

– М-да, и кровать уставшая.

Переключал каналы, не замечая, что там появляется и исчезает на экране. Уговаривал себя подняться, достать из сумки папочку с набросками статьи о говорах Сапожковского района, которую давно уже надо было написать.

Никто эту статью не ждал, нигде ее не заказывали, но... Зря, что ли, в позапрошлом году он три раза побывал в этом углу Рязанской области, объездил два десятка деревень и поселков?

В каждом населенном пункте свой говор, свои словечки, обороты... Одна фраза: «пойду куплю хлеба» звучит настолько по-разному, самобытно, оригинально, что и не сразу поймешь ее... Ведь интересно же, и нужно это зафиксировать.

«Надо, надо», – соглашался с собой Сергей Игоревич, а глаза вяло искали, чем бы отвлечься. Книжки, телевизор, Интернет.

И сейчас, лежа на «ноющей» кровати, он уговаривал себя заняться статьей, а сам переключал программы. И минуты сторали одна за другой, и всё ближе подходило время обеда.

Вот уже третий час. Теперь надо уговаривать себя не писать, а побриться. Побриться уговорить оказалось легче.

Ровно без десяти три, свежий, бодрый Сергей Игоревич спустился в вестибюль гостиницы.

Любовь Петровна была не одна, а с высоченным, метра под два, бородатым – курчавые с седыми прядями волосы от самых глаз спускались на грудь – мужчиной.

– А это Дмитрий Абрамович, – представила его. – Он и явился, так сказать, инициатором вашего приглашения.

– Очень приятно. – Сергей Игоревич протянул великану руку, тот крепко, но явно вполсилы ее пожал.

– Дмитрий Абрамович живет в селе. – Далее прозвучало какое-то нерусское название. – Фольклорист, краевед, защитник коренных народов.

– Вы, может, подумали, что я из этих, – одышливо перебил женщину великан. – Так нет, ни капли.

– Не из кого? – улыбнулся вежливо Сергей Игоревич.

– Ну, не из этих, не из евреев.

– Хм. Почему мог подумать? Вовсе не думал...

– Ну, отчество-то такое, да и защищают коренных они в основном. Я из староверов. Отец, Абрам Феодосьевич, еще держался, а я – так... Но и он понимал, имя дал человеческое хоть... Сейчас возрождаются староверы, но, я считаю, смех это, театр. Ушла старая вера, да и всякая из души уходит...

– Понятно, – изобразив грусть, покивал Сергей Игоревич. – Может быть, за столом поговорим?

– А, да-да. Извиняюсь.

Меню было богатое, разнообразное, но официантка сразу сказала, что лучше заказать комплексный обед. Остальное будет готовиться около часа.

Последовали ее совету.

– А насчет пропустить по капельке? – прогудел вкрадчиво великан-краевед.

Он после этого, в лоб, разговора о евреях стал Сергею Игоревичу не очень-то симпатичен. Правда, желание выпить перевесило:

– Я не против.

Любовь Петровна забеспокоилась:

– Может, после мероприятия?

– Да мы не водку же. Коньячка.

– По сто граммов коньяка, – подтвердил Сергей Игоревич.

– О, само оптимально!.. Так вот... – Великан устроился на стуле удобнее. – Бесплезно, считаю, возрождать прошлое. Мы уж всё... Развращены всем. А малым помогать – надо. У них запросов-то: не мешайте, и всё. Вот наши думают, что это капризы – тундру не трогать, трубы не класть. А на деле – олень не пойдет через трубы, распаханые эти полосы вездеходами да вахтовками. Он лучше с голоду сдохнет... Ему чистая тундра нужна.

Принесли простенькие салаты – кружочки огурцов, политые майонезом, – и графинчик с коньяком.

– Любовь, будешь? – занес великан коньяк над пузатой рюмкой.

– Нет-нет, рабочий день!

– Тебе видней. Я считаю, не повредит.

– Не искушайте...

Только выпили и захрустели огурцами, в зал вошла молодая женщина. Ничем вроде не примечательная, но Сергей Игоревич сразу поймал ее взгляд и задержался на нем. Вернее, последовал за ним. Взгляд был беспомощно-ищущий, неустойчивый.

Он знал, что так вглядываются близорукие люди, попадающие в просторное помещение. Сто раз сталкивался с этим

взглядом, но всегда, особенно если это был взгляд молодой женщины, девушки, чувствовал волнение. Словно бы это ищут его...

– О, вот и Еленка, – обрадовался великан. – Елена Юрьевна, мы тут!.. Обещала приехать и, вишь, не подвела.

– Я, Дмитрий Абрамыч, вообще не подвожу. А когда подвожу – хочу этого и заранее даю понять, – подходя и протирая тряпочкой очки, ответила молодая женщина. – Холодрыга какая, стекла матовые за пять секунд...

Протерла, надела очки, поздоровалась с Любовью Петровной и, как показалось Сергею Игоревичу, мельком, небрежно с ним.

– Присаживайся, пообедай, – пригласил Дмитрий Абрамович. – И вот тебя как раз фужерчик дожидается.

– С удовольствием. Машину припарковала, зарегистрируюсь потом.

Она сняла синюю с меховой полоской на воротнике куртку, осталась в сером свитере, голубых джинсах, но не в обтяжку, просторных... Впрочем, и под этой свободной одеждой было заметно, что фигура у нее неплохая, спортивная.

– Барышня, – крикнул великан официантке, – еще одну порцию, пожалуйста... И, – сбавив громкость, – позволь, Елена Юрьевна, представить тебе Сергея Игоревича Палагина, филолога из Москвы...

– Я о вас много слышала, – перебила она, глядя на Сергея Игоревича теперь, сквозь стекла очков, твердо и смело, – и

вот специально приехала послушать.

– Спасибо, очень приятно...

– А это, – продолжал великан-краевед, посапывая, покашливая, – наша бесценная Елена Юрьевна. Директор Дома памяти. Три года назад возникло такое уникальное место в округе, и жизнь наша обрела некий смысл.

От словосочетания «Дом памяти» повеяло чем-то оруэлловским, и Сергею Игоревичу стало неуютно. «Как Министерство правды...»

– Очень рад знакомству, – поднял он рюмку с коньяком и улыбнулся. – Чокнемся?

* * *

Лекцию читал без особого вдохновения. Чувствовал, что говорит складно, увлекательно, с художественными приемами, но того полета, какой случался время от времени и приводил в восторг его самого, не было.

Может, из-за публики. Люди, в большинстве узкоглазые – видимо, ненцы, – сидели напряженные, непроницаемые; библиотекари и прочие культурные работники больше волновались за то, как пройдет мероприятие, чем слушали; на лицах немногочисленных русских мужчин Сергей Игоревич видел усмешку, наверное, невольную, но все равно обижался на нее: «Конечно, усмехаетесь – вы-то матом разговариваете, куда вам диалектные жемчужины». Единственное, что

притягивало к себе, оказались глаза Елены Юрьевны...

Лекция была рассчитана на полтора часа. Поглядывая в мобильный телефон, Сергей Игоревич однажды заметил, что миновало час пятнадцать, и стал плавно закругляться.

Закруглился, отпил из стакана воды, сказал:

– А теперь, пожалуйста, вопросы. Или, может, у кого-то есть дополнения, есть чему меня научить? Вам, живущим здесь, наверняка известно больше, чем мне...

Зал молчал. Поднялась заведующая библиотекой.

– Смелее, смелее, товарищи.

– Может быть, у кого-то есть свои примеры диалектных, иноязычных слов, которые прижились в русском, или, скажем, ненецком? – добавил Сергей Игоревич. – Кроме, конечно, «спутника», «космоса», «банка».

– А вот, – загудел своим одышливым басом Дмитрий Абрамович, – меня бабка в детстве ландуром называла. До сих пор гадаю, что эт такое.

По интонации Сергей Игоревич догадался, что самому великану ответ известен, но спросил нарочно, чтобы поддержать его. Слава богу, и Сергей Игоревич знал, что такое ландур.

– Если не ошибаюсь, так ненцы называют вислоухих, понурых оленей. Замухрышек, в общем. По вам не скажешь, что в детстве вы были таковым.

– Да уж, – хмыкнул Дмитрий Абрамович, – спасибо диабету...

В зале невесело хохотнули, а Сергей Игоревич почувствовал одновременно и неловкость, и облегчение: «Не туберкулез, значит».

– Впрочем, – воодушевившись, продолжил, – в разных местностях тот же «ландур» может иметь разные значения. Так, например, со словом «увал». Чаще всего это вытянутая невысокая возвышенность. Но также может быть и только южным склоном этой возвышенности. Я не раз слышал такие диалоги: «Где столько клубники набрал?» – «Да вон прошел по увалу». И спрашивающий сразу понимает, что набравший прошел именно по южному склону. Вот такие нюансы.

– Понятно, – кивнул великан-краевед.

– Так, еще вопросы? – взглядом хищной птицы оглядела заведующая сидящих. – Что ж, если вопросов нет, поблагодарим нашего гостя.

Люди с готовностью и, кажется, облегчением захлопали.

Потом сидели в кабинете за традиционным чаем и печенюшками, и так же традиционно, как почти повсюду, заведующая тихо и осторожно спросила:

– Может быть, чего-нибудь покрепче?

Сергей Игоревич тоже осторожно ответил:

– Не откажусь.

Появились коньяк, водочные стопки. Дружно, даже Любовь Петровна, чокнулись и выпили... Разговаривали о библиотечном фонде, проклятых тендерах, которые пока пройдут, нужных книг закупить уже не получается – кончились,

и приходится приобретать вместо них всякую ерунду, чтобы деньги были освоены... О русском языке заговорили – что ребятишки из коренных народов учат его всё с меньшей охотой, некоторые и нескольких слов не могут сказать. И по этому поводу возник легкий спор.

Великан взял и бухнул:

– И правильно, я считаю. Чего им толку от русского языка?

– Как это – чего им толку? – возмутилась одна из сотрудниц библиотеки, маленькая и худенькая, почти старушка. – Вы, Дмитрий Абрамович, из-за любви к ним готовы остальное отрицать.

– А чего им черпать из русского языка? В смысле, чего полезного для их жизни?

– Вся культура, всё буквально к ним пришло благодаря русскому языку!

Дмитрий Абрамович поморщился иронически:

– А что им культура... По сути, культура только развращает народы. История показывает: книги, театры, кино всякое приносят больше вреда, чем пользы.

– О господи! – почти старушка схватила за сердце.

– Ладно, ладно, – примирительно улыбнулась Елена Юрьевна, – Дмитрий Абрамыч у нас известный спорщик. На самом деле он так не думает.

– Да почему...

– В идеале бы, – перебил закипающего великана Сергей

Игоревич, – им нужно знать и свой язык, и русский, конечно.

– И нам, русским, которые тут живут, так же, – поддержал Дмитрий Абрамович. – От них-то мы требуем, а сами... Моя бабка знала по-ненецки хорошо, родители – так уже, фразы, а я – десяток слов всего. Мои дети так и вовсе разбежались отсюда. Поэтому я не могу коренных винить. Мы должны им пример показывать.

– Это да, – вздохнула заведующая, – это вы правильно...

Елена Юрьевна, вовремя сгладив обострившийся было спор, слушала говоривших с улыбкой. Но не с той насмешливой, к какой Сергей Игоревич привык в Москве, какую встречал уже и здесь, а с доброй, вроде бы сочувственной.

– А что это за Дом памяти? – спросил, решив завязать с ней разговор напрямую, поближе познакомиться, что ли.

– Выделили нам помещения, проводим мероприятия, – сбивчиво, словно смутившись, заговорила молодая женщина, – чтения. В начале июня у нас фестиваль...

– Елена Юрьевна скромничает, – перебила ее заведующая. – Дом памяти – это наше спасение. Связь с большим миром. Сколько интересных людей благодаря ему в округ приезжает, да и в деле сохранения истории много чего именно Дом памяти делает. Департамент культуры, мягко говоря, дремлет, а Дом памяти...

– Департамент культуре нам очень помогает, – не согласилась Елена Юрьевна. – Зря вы так.

– Ну, помогает, чтобы самому не просыпаться...

Коньяк кончился, темы для разговоров иссякли. Стали прощаться.

– В гостинице для вас заказан ужин, – говорила Сергею Игоревичу вновь ставшая деловитой Любовь Петровна, – а завтра, в восемь утра, я заезжаю за вами.

– Понял...

– Да зачем? – подошла директор Дома памяти. – Я ведь на колесах. Довежу вашего дорогого гостя до самого аэропорта.

– Правда? Это хорошо бы...

– Вы как, Сергей Игоревич, согласны ехать со мной?

В тон ей, слегка игриво, он ответил:

– Не вижу никаких причин отказываться.

В гостиницу пошли втроем – великан-краевед, Елена Юрьевна и он, диалектолог из Москвы.

По часам было начало девятого, а посмотришь вокруг – глубокая ночь. Многие окна в домах черны: то ли не живут там, за ними, то ли уже спят.

Сергей Игоревич зевнул, выпустив изо рта плотный столб пара, скорее прикрыл рот ладонью; великан моментом среагировал на зевок:

– Слушайте, а чего нам на покой? Может, еще посидим? Тут магазин рядом – коньячишки возьмем, сыру. Мне завтра опять к себе в нору дальнюю, опять полгода без людей...

– Как без людей, – засмеялась Елена Юрьевна. – А как же ненцы ваши любимые?

– Эт другое. Они – светлые души. Я за них... Но я ведь,

ребятки, тоже цивилизацией развращен, культурой нашей, всем этим... Общаться тянет, философствовать... Тут друг у меня, вы, Елена Юрьна, знаете – Коля Лысков. Его позовем. Коля, – повернулся великан к Сергею Игоревичу, – гений наш непризнанный. Но не бойтесь – не буйный... Ну как?

– Я не против, – сказал Сергей Игоревич, хотя такого уж большого желания пить, есть, общаться у него не было: все-таки устал. – Можно посидеть за бутылочкой. В номере, как в комнате общежития...

Дмитрий Абрамович тут же достал из недр своего полубрюка маленький сотовый телефон, потыкал кнопки, стал звонить в гостиницу непризнанного гения.

– И гитару, гитару прихвати!

«Будет Визбор», – вздохнул про себя Сергей Игоревич.

Зашли в супермаркет и стали собирать продукты в пластиковые корзинки. И Сергей Игоревич, и Дмитрий Абрамович не хотели показать себя скрягами, брали одно, другое, третье, четвертое.

– Вы как на неделю запасаетесь! – в конце концов не выдержала молодая женщина. – Перестаньте... Дмитрий Абрамыч, ну зачем нам сосиски? Где мы их сварим?

– Ну да, ну да, увлекся.

– Тем более заказанный ужин можно будет в номер принести, – вспомнил Сергей Игоревич.

Выложили часть, прихватили недалеко от кассы по бутылке «Старого Кенигсберга».

– А вот коньяка маловато, – сняла с полки еще бутылку Елена Юрьевна. – Потом ведь мучиться будете, в ресторан побежите.

– Еленка у нас профи.

– Да уж, сколько банкетов-фуршетов отвела...

* * *

Дмитрий Абрамович звал к себе в номер так настойчиво, что Сергей Игоревич не стал спорить. Сходил к себе за бокальчиками, стулом, потом спустился в ресторан взять заказанный организаторами ужин. Там возникли неожиданные сложности: официантка не хотела отпускать его с тарелками:

– Да здесь поешьте – и всё. Зачем туда?

– Я хочу в номере. Везде разрешают.

– Ну, я не знаю... – На лице женщины изобразилось смятение.

– Поверьте, посуду я не украду. Завтра принесу на завтрак.

Разрешила с величайшим трудом и внутренней борьбой.

Около двери номера Сергей Игоревич остановился – вдруг возникло желание взять и отказаться от посиделок. То ли эта борьба с официанткой отняла остатки сил, то ли легкое опьянение сменилось тяжестью. Прямо придавило, тарелки с салатом и отбивной котлетой показались булыжниками... «Устал... завтра снова в самолет... извините...»

«И кем я для этих людей останусь? Приезжал, мол, из Москвы один, и, как все москвичи, с закидонами. Накупил еды, выпивки, а потом отказался сидеть, спрятался в комнате».

Директор Дома памяти резала кривым охотничьим ножом колбасу; Сергей Игоревич невольно на нее засмотрелся. Сейчас, без очков, в легкой светлой блузке, она казалась совсем юной, свежей, щеки после прогулки по морозцу были ярко-розовыми, глаза улыбались.

– Так, – хлопнул ладонями, будто полиэтиленовый пакет лопнул, Дмитрий Абрамович, – надо срочно по двадцать грамм. Колю не будем ждать – он и трезвый, как бы слегка датый всегда, так что нам надо ему соответствовать. Но он... как это... адекватный, вы его, Сергей Игоревич, не бойтесь.

– Вы уже предупреждали.

– А, ну да. – Великан, посвистывая легкими, сорвал фольгу с горлышка, отвинтил крышку, налил в стаканчики действительно граммов по двадцать.

Когда чокались, Сергей Игоревич взглянул на женщину, та ответила какой-то смущенной и в то же время ободряющей улыбкой. Выпили.

– То, что вопросов не задавали, вы не обижайтесь. Люди здесь не очень коммуникабельные. Но между собой еще долго будут обсуждать, вспоминать.

Дмитрий Абрамович поддержал:

– Да-да, скромные больно. Некоторые и нахамить могут,

но от скромности.

– Но ведь пожилые люди другие, – сказала Елена Юрьевна. – Шестидесятники...

– А где они? По домам сидят, больные и плюнувшие на всё. Тут, знаю, их звали, звали, и толку-то...

– Да, это правда – шестидесятники уходят. Молодежь в соцсетях. Там дружат, такие послания шлют друг другу, а в реальности встретятся – и молчат.

– А вы, Елена Юрьевна, – сказал Сергей Игоревич, – себя к молодежи не относите?

Она махнула глазами на него и усмехнулась:

– Я в свои двадцать восемь себя иногда динозавром чувствую.

«Двадцать восемь», – отметил Сергей Игоревич, и в груди стало как-то сладостно и грустно.

Дмитрий Абрамович поднял бутылку:

– Предлагаю за молодежь. Чтоб о важном, когда встречается, не забывала. А то действительно род человеческий из-за компьютеров вымрет.

– Может, не будем торопиться? Колюждемся.

– Ничего-ничего, он не обидится.

Выпили. Стали закусывать.

– Что там Москва? – спросил великан явно для поддержания разговора. – Пульсирует?

– Хм, пульсирует. И пульс все учащеннее... Иногда страшно становится – кажется, сейчас как лопнет. Или про-

валится... Москва ведь, по существу, на пустоте стоит – сплошные туннели, подземные сооружения. Не так давно сваи заколачивали и пробили перекрытие туннеля метро. И это не первый случай... Жутковато, конечно. – Сергей Игоревич почувствовал, что разоткровенничался, и кашлянул.

– Да, такие города – эт аномалия. Одно дело, какой-нибудь Сингапур, где, кроме столицы, и жить негде, земли попросту нету, а другое дело – мы... Сгрудились и давимся... Ну, я обобщенно... Я бы столицу каждые десять лет менял. Сначала, например, в Томск, потом – в Иркутск, потом – в Курск куда-нибудь.

– Но Москва – это ведь символ, – заметила Елена Юрьевна.

– Пускай и будет символом. Какой-нибудь духовной столицей. Как Питер – культурная. Правильно? А администрацию – отдельно.

Сергей Игоревич сказал:

– Страна разорится дворцы для думы строить, министерств, резиденций...

– А пускай имеющееся приспособливают. Везде ведь остались обкомы, горкомы.

– Вы идеалист, Дмитрий Абрамович.

Постучали в дверь.

– Открыто! – гаркнул великан так, что номер вздрогнул.

Вошел парень, именно парень – лет сорока. Истертые, почти уже продырявившиеся джинсы, куртка, перешитая из

шинели; снял скандинавскую шапочку, и оказался с седоватыми волосами до плеч, но почти лысой макушкой. За плечами, как ружье в чехле, гитара.

– О, вот и Коляныч! – встал навстречу Дмитрий Абрамович. – Здоров, друг!

– Здравствуй! – сказала и Елена Юрьевна и тоже поднялась.

Парень недовольно или стыдливо бурчал что-то в ответ... Его познакомили с Сергеем Игоревичем.

– Что ж, вот все и в сборе. Весь актив. Надо это отметить возлиянием... – И под бульки коньяка в стаканчики великан спрашивал: – Как, Коляныч, жизнь? Чего нового сотворил?

– Так... – Парень сморщился; показалось, что сейчас добавит: «ничего стоящего», но он добавил другое: – Песен штук двадцать написал. Такие... Самому удивительно. Кого-то кризис среднего возраста импотентом делает, ну, морально, душевно, а меня прямо поперло.

«Действительно, как бы датый», – вспомнил предупреждение великана-краевода Сергей Игоревич.

– Чего ж, продемонстрируй, Коляныч.

– А удобно? Они такие... откровенные.

– Разве это плохо? – спросил Сергей Игоревич. – Откровенное, по идее, должно быть самым сильным.

– Н-ну, наверно... – И, ободренный этим замечанием, Коля скоренько проглотил коньяк, достал гитару, потрогал струны. – Вроде строит... Сначала – «Экзистенциальный

блюз». О человеке, который растерялся в этих нынешних политических делах... Ну, короче, сами поймете.

Он стал играть хоть и корявенький, хроменький, но действительно блюз, а затем запел гнусоватым и жалобным голосом:

Старый я,
Никчемный я дурак —
Ориентиров нет,
В башке гнилой сквозняк.

А вокруг кипят,
Требуют вставить,
Либеру давить,
Почву уплотнять.

Если не встаешь,
Могут объявить:
Из другой ты расы,
Нам с таким не жить.

И куда тогда
Мне, блин, дураку?
Ведь без почвы я
Выжить не смогу.

Коля сделал пальцами левой руки какой-то сложный переход и проныл, судя по всему, припев:

Это не песня – это плач,
Попытка объяснить душевный срач.
Я не пою, я скулю,
Мукой сокровенной тихонечко блюю-у.

Затем – не очень выразительное на акустической шести-струнке соло, второй куплет, из которого утомившийся слушать Сергей Игоревич уловил вот это:

Никак не научусь любить
И красных, и царя,
И не способен верить
И в коммунизм, и в Бога я.

Нужное восславлять
Тоже не могу.
Что же делать мне,
Такому дураку?..

– В коммунизм, Коля, – сказал Дмитрий Абрамович, наливая в стакашки уже граммов по семьдесят, – не верить надо. Его строить надо... А вообще – молодец. Продрала песня. Близка мне, хоть либералов я любить не могу.

– Я тоже их не очень-то. Но тут про другое.

– Ну да, ну да... Молодец, в общем. А вам как, Сергей Игорич?

Сергей Игоревич, не ожидавший услышать здесь подоб-

ной песни, по существу не нашелся что ответить. Выдал нечто нейтральное:

– Смело, конечно... С ансамблем, наверное, еще сильнее бы получилось...

Коля осушил стаканчик в два громких глотка и покривился:

– Где его тут найти, ансамбль... Ансамбли до сих пор «Песняров» тренькают... Можно я еще одну, пока пыл не погас?

– Давай-давай, Коляныч...

На этот раз мелодия была жесткой, но динамичной, и слова вылетали из Колиного рта чаще, чем в предыдущей песне, такими длинными очередями:

Болотная масса затопила страну,
Учат жизни мертвые живых.
На каждого вещает круглосуточный враг,
Статической инерцией питаются мозги.

Но если ты не слякоть – защищайся,
Если ты не слякоть – нападай.
Если ты не слякоть – защищайся!
Если ты не слякоть – нападай!

Елена Юрьевна поднялась, достала из кармана куртки сигареты, приоткрыла створку стеклопакета. Щелкнула зажигалкой... За весь день Сергей Игоревич и не замечал, что

она курит... По номеру разбежался свежий воздух с легкой примесью табачного дыма...

Закрывают небо прелые кулисы,
Портреты паразитов на каждой стене,
Разбойничьи законы задавили правду,
Последних живых топят в говне.

Но если ты не слякоть...

Сергей Игоревич залюбовался изогнувшейся у окна, старающейся выдуть дым в щель рамы молодой женщиной... Голос певца уплыл, как радиоволна в слабом приемнике... Подойти, обнять за талию, провести губами по ее розовой щеке. Прижать к себе, одинокую сейчас и, кажется, не очень-то счастливую.

– Зашиб-бись, Колямба! – рявкнул Дмитрий Абрамович. – Ух-х!.. Надо обмыть твою прям Болдинскую осень.

Елена Юрьевна вернулась за стол, лицо ее не выражало восторга. Приняла стаканчик, выпила на равных с остальными... «И ведь, кажется, не пьянеет», – удивился Сергей Игоревич и почувствовал: если проглотит еще три-четыре порции, начнет клевать носом.

– Коля, ты очень талантливый человек, я тебе это говорила тысячу раз, – начала директор Дома памяти таким тоном, что стало ясно, ее речь будет длинна и серьезна. – А сейчас воздержусь от похвал и скажу как лицо официальное, кото-

рое устраивает мероприятия... Николай, с такими песнями и при сегодняшнем положении дел, а оно вряд ли изменится в ближайшие десятилетия, ты так и останешься один, будешь петь дома или в лучшем случае в таком вот кругу. Если бы ты был посредственностью – и слава богу. Но ты талантливый, храбрый, ищущий человек...

– Помню, как Колянч на юбилее округа, давно уж, свои песни протеста запел, – встрял Дмитрий Абрамович. – Чуть ведь со сцены не сбросили. Я встал стеной: пускай, говорю, допоеет, а потом делайте что хотите.

Коля покачал головой:

– В две тысячи третьем это было, еще при прежнем губере. С тех пор моего имени слышать не хотят, отовсюду вычеркивают.

– И будут вычеркивать, Николай. Будут вычеркивать! И я не могу тебе помочь. Я хоть и имею свободу, но должна согласовывать... И тебе надо ехать или в Питер, или в Москву, или же...

– Там тоже – попса, говнорок.

– Ну, наверное, – согласилась Елена Юрьевна. – Но я не договорила... Или, если ехать некуда, то, извини, конечно... и не считай меня конформисткой какой-нибудь... Или – писать другое.

– Х-хе! – болезненно усмехнулся Коля. – Не получается, Лен... Не получается.

– Так легче всего говорить. Неужели тебя не интересует

тема, скажем, любви? Или природа. На крайний случай хипповское что-нибудь – поляны, «а вокруг такая тишина»... Сейчас не девяностые и даже не нулевые, когда «трехцветные кулисы», «камуфляжная масса» воспринимались на ура. Теперь за это при желании и срок дать могут. А припев вот этой второй песни можно рассматривать как призыв к насильственному изменению...

– Это из статьи Махно цитата, издано не так давно... легально, – словно оправдываясь, отозвался Коля.

– И что? Наверняка мы скоро увидим, как книги Махно да и более безобидных включают в список экстремистской литературы... Я как-то заглянула в Интернете в этот список – конца и края у него нет...

Елена Юрьевна разволновалась, и Сергей Игоревич, как бы успокаивая, положил ей руку на плечо, погладил, слегка сжал. Мол, успокойтесь... Она не отстранилась, а наоборот, к его удивлению, на сантиметр-другой подалась к нему.

– Я не хочу спорить, – заговорил Сергей Игоревич, хотя минуту назад решил не ввязываться в этот скользковатый разговор, – и Елена... Можно без отчества?

– Да пожалуйста! Сама хотела предложить...

– ...И Елена права – ваш путь, Николай, драматичный и рискованный. Но, с другой стороны, везде, при любых режимах, есть, должен быть – андеграунд. Должны быть диссиденты, инакомыслие... Если их не будет – общество совершенно закостенеет, в нем отомрут все нервные окончания.

Достаточно легкого удара – и все развалится, как кусок сухого коралла... Так, извините, я немного запутался в метафорах... Предлагаю выпить за смелость!

Тост приняли единодушно, и даже Елена, от которой Сергей Игоревич и зачем-то хотел, и боялся возражений, присоединилась вполне искренне.

Выпили, и как-то разом нарытые хмелем Дмитрий Абрамович и Коля заговорили между собой. Заговорили горячо, с болью. Сергей Игоревич не хотел вслушиваться, а сбоку разглядывал Елену. Она же с сочувствующей улыбкой наблюдала за говорившими...

Рука Сергея Игоревича поднялась со спинки ее стула и легла ей на шею под волосы. Кожа оказалась очень горячей и гладкой... Елена замерла и, не поворачиваясь к нему, ждала. Он был уверен, чувствовал через кожу, через какие-то токи, бегущие по руке, по воздуху, – ждала дальнейшего.

Сергей Игоревич накренился к ней – именно накренился всем туловищем – и сказал тихо в спрятанное за волосами ухо:

– Пойдем ко мне.

И сразу услышал твердое и довольно громкое:

– Да.

Сначала даже не понял, что это ответ, а не подтверждение каких-то слов горячившихся за столом напротив. Понял, внутри задрожало, задергалось; номер качнулся, поплыл, но сразу вернулся на место.

– Выходи первым, – сказала Елена, – я через пять минут.

– Да, хорошо... Двадцать первый номер.

Она кивнула. Он убрал руку с горячей шеи, внутренне собрался и встал твердо, как трезвый. Без спешки вышел в коридор, мягко прикрыл дверь.

Пошагал было к своему номеру, но остановился. Прислонился к стене. Резко ослабел, особенно ноги... Скорая близость с женщиной, о существовании которой еще утром не догадывался, волновала, возбуждала чуть не до потери сознания.

– Потеря сознания... Зря напился...

Эти слова, сказанные вслух, слегка успокоили. Надо сполоснуть лицо холодной водой, и все будет нормально.

* * *

Удачно попал ключом в щель двери, открыл, ключ вынул и вставил с внутренней стороны.

Метнулся в ванную, умыл лицо, шею. Стал было расстегивать брюки, чтоб помочиться, но вспомнил: в одной книге, кажется, у Лимонова, прочитал – если хочешь долгого секса, лучше иметь полный мочевого пузыря. И не стал...

В номере был порядок; завис над кроватью, решая, снять покрывало или оставить... Пусть пока так.

Стук в дверь. Сергей Игоревич успел зажечь светильник и выключить лампу на потолке и побежал открывать.

Она вошла со спокойной улыбкой. Словно просто в гости... Закрыв дверь, провернул ключ и обнял. Так, обняв, повел из тесной прихожей в комнату. Стал целовать.

Упругие щеки, круглый подбородок, подушечки губ. Губы приоткрылись, и он всунул за них язык. Ее язык встретил его там и стал с ним играть... А его руки мяли ее крепкую спину, перинку зада...

Она отстранилась, отступила на шаг, и Сергей Игоревич обмер от страха, что сделал что-то не то, не так и сейчас она уйдет. Посмеется, как взрослая над мальчиком-колокольчиком или, вернее, как юная над похотливым стариканом, развернется и исчезнет. И оставит здесь его одного.

Но она не ушла. Отстранилась, чтобы раздеться. Быстро, по-деловому расстегнула блузку и следом, без церемоний и игры, черный лифчик.

Грудь была небольшая, но... «Основательная», – будто кто со стороны подсказал. Два холма с пологими подъемами начинались чуть ниже ключиц. На вершинах – широкие розовые круги и штырьки сосков. Они смотрели на него, на мужчину, уверенно и надежно.

«Хорошо, что такие, – подумал Сергей Игоревич, стараясь проглотить твердую то ли от волнения, то ли от коньяка слюну, – хорошо, при беге не скачут...» И отметил, как это красиво – женщина с голым торсом и в джинсах, пусть и в таких, походных...

Она взглядом спросила: «А ты?» – и он стал скорее стя-

гивать с себя свое – то, что вчера днем, после душа, выдала ему жена.

Несколько секунд понаблюдав за ним, в чем-то, видимо, убедившись, Елена расстегнула ремень на джинсах... Когда повернулась спиной, он увидел на ее трусах стрелку – сантиметр светлой кожи в окружении фиолетовой ткани, – и почему-то этот сантиметр заставил задрожать от желания.

Схватился за резинку ее трусов и спустил к коленям. Легко толкнул на кровать, и женщина послушно уперлась локтями в матрас.

С приятным усилием втиснулся во влажное, тоже раскаленное. Женщина отозвалась движением навстречу и тонким, беззащитно-покорным и словно благодарным стоном...

Однажды в давней экспедиции Сергей Игоревич видел, как пес задавил кошку... Пес бежал по деревенской улице, а на высоком, под два метра, заборе сидела кошка. Гладенькая, чистая, явно не бродячая.

Пес заметил ее и без лая, а с каким-то нутряным рыком бросился вверх. Не допрыгнул раз, другой; кошка с презрительной «улыбкой» наблюдала. Не соскочила во двор, даже не вздыбила спину, шипя. Спокойно сидела и наблюдала.

Но пес зацепил ее лапу зубами и сбросил с забора.

Еще в воздухе кошка метнулась прочь, стараясь упасть как можно дальше от врага, чтобы, пока он разворачивается, убежать. Может, снова вскочить на забор или юркнуть в крапиву... Не удалось. Пес умело сдавил ей горло зубами. И

кошка негромко, но как-то пронзительно, вот так же беззащитно-покорно и словно благодарно простонала.

Сергей Игоревич подумал тогда: «Как девственница». А теперь, услышав стон Елены, вспомнил ту кошку...

Кожа была настолько гладкой, что ладони соскальзывали с ложбинок между бедрами и пахом. Он положил руки на ее плечи. Тугие, без косточек. Задвигал тазом сильнее, резче. Женщина тоже двигалась, но не от его толчков, а сама. Сначала не попадала в заданный им ритм, и было некомфортно, будто бежишь и спотыкаешься. Но вот подстроилась, созданный природой двигатель заработал.

«Как хорошо», – с детским, что ли, удивлением подумал Сергей Игоревич. Закрыв глаза.

Казалось, это можно продолжать бесконечно. Сжимай крепкие плечи и бей в горячее, влажное тем, что у каждого народа Земли имеет десятки названий. Самое точное название на русском языке почему-то считается страшным ругательством, таким страшным, что Институт русского языка специальным постановлением изъял это слово из оборота.

«О чем я думаю? – ужаснулся Сергей Игоревич. – О чем? Зачем?»

Отпустил Елену и слегка толкнул на кровать. Она легла на спину, сбросила болтавшиеся на щиколотках трусы. И он, раздевшись до конца, отпихнув подальше комок из брюк, семейников в цветочек, майки, лег на удобную, удобней любой перины, женщину. Снова сравнил себя и ее с мотором –

две части двигателя, соединенные поршнем и цилиндром... Идеальная конструкция, и они будто отрегулированы кем-то, чем-то, подогнаны друг к другу...

Кажется, в одной из книг все того же Лимонова высказано недоумение: по телевизору показывают сплошные убийства, там льется кровь, трещат выстрелы, и это большинством воспринимается как норма, никто особо не протестует, а если покажут соитие мужчины и женщины – сразу поток возмущения. Это, конечно, абсурд.

Ныла разохшимися деревяшками гостиничная кровать. Некоторое время Сергей Игоревич пытался не обращать внимания, но не выдержал. Приподнял оказавшуюся необыкновенно легкой – или это он был сейчас такой сильный? – женщину, прихватил правой рукой и бросил на пол покрывало с одеялом. Уложил на них Елену.

Отметил еще одно – после выпитого и съеденного, после целого дня дел они были гибкими, свежими, неутомимыми. Били друг друга лобками, пытаясь глубже друг в друга войти, мяли друг другу плечи, бока, спины, ягодицы... Остановиться их заставил лишь стук в дверь.

– Есть кто? – пробасил великан-краевед.

Сергей Игоревич опустил на Елену, поцеловал ее за ухом. Она погладила его спину...

– Э-эй!

– Да спит, или гулять ушли, – отозвался Коля. – Пойдем, Абрамыч, еще спою. У меня такая есть...

– Ну, нехорошо же. – В голосе Дмитрия Абрамовича слышались обида и вроде как ревность. – Сидели вместе, и вдруг чик – исчезли. Нельзя так...

– Да ладно, пойдем.

– Пойде-ом...

Сергей Игоревич выждал долгие полминуты и возобновил толчки.

Когда он чувствовал, что семя, созрев, вскипев, готово вырваться, менял позу. Женщина понимала его без слов, кажется, по первому его движению.

В конце концов не выдержал... Черета взрывов. Сильных, как в юности, как в первые разы... Голова опустела, словно исчезла. И короткое, но сладостное, необыкновенно приятное ощущение невесомости...

Сергей Игоревич, весь в поту, но не липком и терпком, а похожем на сок или масло, легко скатился на покрывало. Смотрел, как по потолку медленно плывут какие-то тени, похожие на пар.

Усталости не было, опьянения не чувствовалось, спать не хотелось. Сейчас ничего не хотелось. Только вот так полежать и потом повторить... Да и это было не желанием, а чем-то другим, не облеченным в мысль. Инстинктом, что ли... Так, наверное, выжидает зверь-самец, перед тем как снова покрыть самку...

Самка, женщина, поднялась, пошуршала одеждой, прошла к окну. Приоткрыла створку, щелкнула зажигалкой.

Сергей Игоревич наблюдал за ней, нетонкой, но стройной, удивительно пропорциональной. Линии тела, будто просящиеся, чтобы их запечатлели. Ведь они не навсегда... Недаром художники так любят рисовать женщин, сидящих на подоконнике, облокотившихся на подоконник...

«Хм, – усмехнулся про себя этой банальщине Сергей Игоревич и вернулся в реальность, то есть вернулся к способности думать, и тут же мысли, вернее, вопросы, посыпались, как горох из дырявого пакета, застучали по мозгу: – Откуда она взялась? Почему так легко согласилась? Давно следит за мной, влюблена? Что теперь?» С другими женщинами было иначе, а здесь... Как-то слишком спонтанно получилось, и очень искренне...

Стало тревожно, и то предчеловеческое счастье совокупления скукожилось, покатило прочь под пинками этих чертовых мыслей.

Сергей Игоревич вскочил, как был, не кутаясь в одеяло, но заставляя себя не стесняться брюшка, густых волос на лобке, худых по сравнению с туловищем ног, пошел к окну. По пути глянул в лежащий на столе мобильник. Дисплей показывал «02: 14». Значит, занимались часа три...

Вынул без спросу из пачки сигарету, закурил. Вообще-то, давным-давно бросил, но иногда случались моменты, когда тянуло.

Стоял, касаясь своим бедром бедра женщины, втягивал в себя дым и выдувал в щель приоткрытой рамы. Дым не уле-

тал на улицу, а, круто разворачиваясь, возвращался в комнату. Холодный воздух ровно бил в лицо, грудь, живот, но сейчас Сергей Игоревич не боялся простудиться, был уверен почему-то, что не простудится.

Глянул на Елену и столкнулся с ее глазами. В них была ласка и благодарность. Без примеси разных человеческих сомнений, анализов, взвешиваний, оценок. И ему снова стало легко и свободно.

Он улыбнулся, и женщина улыбнулась. Он перевел взгляд в окно. Там, за ним, была маленькая площадь, точнее, перекресток-кольцо. Мигали желтым светофоры, лежали на газонах худосочные, тусклые сугробы. Светили фонари. И ни одного человека, ни одной машины, ни одного горящего окна... Мертвая зима на улице, тоскливая ночь в квартирах, а здесь – два передыхающих существа...

«А ведь мы не сказали ни слова, как вышли из того номера, – щипнуло удивление, а следом стал мучить совсем бытовой вопрос: – Куда окурок деть?»

Елена, как бы отвечая, взяла и выщелкнула свой на улицу. И он сделал то же.

Закрыв раму, обнял женщину, слегка сдавил упругую кожу в руках, повел к лежанке на полу.

...Проснулся от бодрой мелодии будильника в телефоне. В первый момент тоже сделался бодрым, готовым к новому дню, но сразу нахлынуло вчерашнее, затеребило, и захотелось зарыться в тряпки, спрятаться от жизни, замереть на-

долго.

Мелодия не смолкала, пришлось открыть глаза, тянуться к телефону. И снова, как и ночью, опять сразу увидел глаза Елены. Они были рядом, сантиметрах в двадцати. Смотрели на него пристально, изучающе.

Сергей Игоревич выключил будильник и потянул Елену к себе. Она, не упираясь, напомнила:

– У тебя самолет. – Без сожаления и упрека. – А нам еще ехать...

Да, самолет. Судя по времени, торопиться пока не стоило, но на секс уже не хватало.

– Собираемся, да? – спросила Елена.

– Собираемся...

Она легко поднялась, постояла над ним, лежащим, такая высокая, точеная, поблескивающая кожей, будто действительно какая-то античная статуя из розоватого мрамора... Нет, не розоватого, но как назвать цвет здоровой женской кожи... Постояла, отошла и стала скрывать себя под одеждой. Эти трусы с дырочкой, черный лифчик без кружев, блузка, мешковатые походные джинсы, теплые носки, ботинки...

– Увидимся на завтраке?

– Да...

* * *

Выехали, по примерным расчетам, вовремя. Елена наде-

ла очки, и когда повела машину, стало заметно, что она действительно начальник – как-то слишком уверенно сидела за рулем, смотрела вперед.

Сергей Игоревич тоже устался на дорогу. По салону кружили бодрые англоязычные песни. Не рок и не попса, а нечто такое – в стиле Фрэнка Синатры.

Молчали. Он ни о чем не спрашивал, не расспрашивал, и она тоже. И молчание не было тягостным.

Порой Сергея Игоревича начинала одолевать дремота, и он встряхивался, топорщился – дремать, когда женщина бодрствует, было нехорошо. Унизительно как-то. Терпел.

Не хотелось вспоминать, но само собой прокручивалось в голове то, что происходило ночью.

Сергей Игоревич положил ладонь на ляжку Елены, погладил, пополз выше, где было жарко, и, казалось, сквозь ткань пробивалась влага.

– Свернуть в лесок? – спросила Елена то ли шутливо, то ли пряча за шутливостью серьезность.

– А мы успеем?

– Не уверена.

Он помолчал, наблюдая, как в нем борются желание самца и пресловутый здравый смысл, проклятая, но необходимая разумность, и задавил их борьбу вздохом:

– Тогда не стоит. – И быстро повернул лицо к Елене; та никак не отреагировала на его слова, смотрела в лобовое стекло, лишь через минуту, почувствовав на себе его взгляд, от-

ветила своим – добрым и сочувствующим: «Да, к сожалению, не стоит рисковать».

Однообразный пейзаж изматывал, тяготил. Сергей Игоревич искал что-нибудь необычное, чтобы воскликнуть, например: «Какая лесина вымахала среди этих лилипотов!..» Но вокруг полное, беспросветное однообразие...

«И надо было ей, – подумал о Елене, – пелёхать такую унылую даль, чтобы меня послушать. Или предчувствовала, что будет такая ночь? Или что?..»

Намек на ответ получил, когда наконец подъехали к аэропорту. Прощаясь, она сказала:

– Наш Дом памяти подал на грант – хотим в июне провести конференцию «Сибирское братство языков». Пока еще ничего не ясно, но гипотетически ты готов участвовать?

– Конечно! – Он был в этот момент счастлив приглашению.

Обменялись визитками, поцеловались щека к щеке, и Сергей Игоревич, подхватив сумку, выбрался из машины. Сделал несколько шагов к двери аэропорта, обернулся, помахал рукой. За стеклом, как ему показалось, произошло ответное движение.

Регистрация уже открылась, в накопителе был буфет с пивом и горячими пирожками. Сергей Игоревич, глядя в висящий под потолком телевизор, который показывал какую-то медицинскую передачу, съел две сосиски в тесте и выпил три бокала «Сибирской короны». И, приятно отяжелевший, со

слипающимися глазами, сел в автобус, который, сделав круг, подвез его к стоящему метрах в ста от аэропорта самолету.

Заняв свое место, пристегнувшись, позвонил жене. Сообщил, что вылетает.

– Счастливо, дорогой. Я очень соскучилась, – сказала жена.

– И я, – ответил Сергей Игоревич. Не соврал, действительно соскучился.

* * *

Прошло полгода... Когда-то в юности, натываясь на подобные слова в книгах, даже у Чехова, он испытывал укол раздражения и мысленно спрашивал автора: «И что, ничего за полгода не случилось? Нечего написать?» Но, пожив, убедился: бывает, что месяц, полгода, год протекают так, что вспомнить на самом деле особенно нечего. Скажут тебе: запиши на листочке, что произошло за эти полгода. Будешь сидеть, ломать голову, потеть от напряжения и, скорее всего, ничего не выдавишь. Что-то было, конечно, каждый день из чего-то состоял, но вот чтобы записать...

Да и не в этом дело – не в пустоте собирающихся в месяцы дней, не в ничтожности произошедшего. Не в этом... А в том, что, получив по электронной почте письмо от Елены, все эти полгода со всеми их событиями, радостями, неприятностями, поездками, написанными статьями, даже дочки-

ной свадьбой, испарились, исчезли.

Сергей Игоревич еще не открыл его, не прочел, а полгода уже провалились в небытие, и он вернулся в ту ночь в гостинице, сидел не в удобном полукресле за письменным столом с ноутбуком и чашкой теплого чая, а лежал на кочковатом одеяле, торопливо брошенном на пол...

В письме было довольно сухое приглашение на конференцию, которая состоится с такого-то по такое-то; проезд, проживание, питание за счет приглашающей стороны.

Сергей Игоревич быстро набрал ответ: «Спасибо за приглашение, Лена. Обязательно буду». Щелкнул «отправить», компьютер тут же доложил – «письмо отправлено».

А затем полезли воспоминания. Не хаотичные, а подробные, до мурашек. И о той ночи, и о том, что было потом. «Потом» – это не события, а его мысли, которые не уступали по материальности действительно произошедшему.

Первые месяца три он очень... нет, не опасался, а со сладостным ужасом ожидал, что вот-вот Елена сообщит: я беременна. Была уверенность, что такая ночь не может не завершиться зачатием ребенка.

Сергей Игоревич репетировал свою реакцию на сообщение. Вернее, как это сейчас называют – выбирал модель поведения.

Не выбрал; единственное, стал нежнее и мягче с женой. Если раньше ее раздражение тут же передавалось ему, и возникали если не скандалы, то перепалки, то теперь он ста-

рался успокоить, согласиться, сделать так, как она хотела. И думал при этом: «Ведь скоро расстанемся. Возьму ноутбук, блокнот и зубную щетку. И улечу».

Но сообщение о беременности всё не появлялось, сладковатый ужас постепенно рассосался. Иногда вспоминалась их близость, но блекло, без возбуждения и, слава богу, без отращения, какое порой испытываешь даже годы.

И вот – приглашение на конференцию «Сибирское братство языков». И сразу всё ожило, окрасилось, задышало...

Две с половиной недели до поездки тянулись мучительно. Сергей Игоревич ни на чем не мог сосредоточиться, всё валялось из рук, работа стала ненавистной. Хотелось лежать на диване и дремать. И додрематься до нужного дня.

Не то чтобы он так уж хотел увидеть Елену, овладеть ею, дать ей овладеть собой, снова испытать то чувство безмыслия, чистого инстинкта... Нет, конечно, хотел всего этого, но не признавался себе.

Как признаться цивилизованному человеку с высшим образованием, научному работнику, что тебе нужна самка, с которой ты, ничего толком о ней не зная, будешь сношаться всю ночь и без единого слова, а утром расстанешься, чтобы следующей ночью опять сойтись в маленькой комнате, похожей в темноте на берлогу, содрать мешающую одежду и без разговоров, разглагольствований, демонстрации интеллекта сплестись на полу. Любая кровать для них представлялась Сергею Игоревичу тесной и ненадежной...

Дня за четыре до поездки сходил в парикмахерскую, потом, дома, пронес ножницы в туалет и подстриг волосы на лобке.

Вот и указанное в билете число. Традиционно быстро собрал сумку, поцеловал жену и поехал в аэропорт.

Тот же рейс, что и в ноябре, такое же пиво в том же рестораничке, такая же сонливость при посадке. Он заметил знакомых лингвистов, диалектологов, этнографов – круг их, колесящих по стране, был неширок, – здоровался, но в разговоры не вступал.

Уселся, пристегнулся, сообщил жене, что вылетает, та пожелала ему счастливого пути.

Путь был если не счастливым, то, во всяком случае, нетягостным. Сергей Игоревич полистал глянцевого журнальчика, стал читать статью о пирамидах в Мексике, но внимание рассеивалось, веки слиплись, и он уснул с ощущением, что он герой из «Дамы с собачкой», едущий к этой даме с собачкой в далекий городишко. Ощущение было тревожащее и в то же время такое приятное, что Сергей Игоревич во сне всё потягивался и поеживался...

Проснулся от голоса, сообщающего, что самолет готов к посадке. В иллюминаторах было светло – ночь съела дорога. Далеко внизу серели ленточки каких-то рек, темно зеленели леса, и светло – луга и равнины...

Такой же автобус, как и в прошлый раз, провез пассажиров по дуге от самолета к аэропорту, тот же простенький зал

прилетов, где Сергей Игоревич торчал в ноябре.

– Здравствуй! – оказалась прямо перед ним Елена.

– О! Здравствуй!

Обрадованный, он хотел поцеловать ее в губы, а Елена, ловко и изящно увернувшись, подставила щеку. И пошла к другим:

– Здра-авствуйте! Очень-очень рада, что приняли наше приглашение!

Сергея Игоревича покорило это ее переключение на других, но одернул себя: «Действительно, не бросаться же на пол прямо тут».

На улице было свежо, но по-утреннему. Как только поднимется солнце, наверняка станет жарко.

Минут через двадцать – когда одни накурились, а другие получили багаж – расселись в микроавтобус и поехали.

– Далеко до города? – спросила нестарая, но оплывшая женщина, которую Сергей Игоревич несколько раз встречал на разных московских мероприятиях.

– В районе часа, – ответила Елена и повернулась на сиденье, выставила ноги в проход. – Далековато, конечно, но почва... или болота, или сопки. Нашли только тут подходящее место.

Ноги были длинные и смугловатые, будто она уже успела позагорать, колени круглые, без выпирающих косточек. Сочные икры, кусочек упругой ляжки выглядывал из-под подола светло-синего летнего платья. Поверх платья белая шер-

стяная кофточка. Аккуратные голубые туфли-лодочки, какие красят только стройных девушек. И Елену они красили, добавляли легкости, воздушности... Шея длинная, с выразительным переходом в плечи. Каштановые волосы густые, даже на вид мягкие, душистые, как трава на прибрежных лугах. И глаза. Глаза горящие, радостные, щеки румяные. Губы...

Он рассматривал Елену откровенно, с вожделием, но без волнения. Был уверен – через час или вечером они будут вместе. И вся она будет его. Он станет гладить, мять, целовать, покусывать. Как тогда.

* * *

Столица округа оказалась современной, просторной, со свежими зданиями. Не по-северному огромные окна, широкие улицы. И гостиница новенькая, построенная по европейским стандартам. «Здесь-то кровать не должна подвести».

– Сергей, – когда оформлялись на заселение, подошла Елена, – у нас интервью на радио. Утренний эфир. Бросишь вещи и спускайся. Через полчаса должны быть в студии.

– Хорошо. А потом? – Он игриво улыбнулся. – Потом какие планы?

– Потом отдыхай с дороги. Позавтракать еще успеешь...

Елена выглядела озабоченной, напряженной, и продолжать намеки Сергей Игоревич не стал... Принимая от де-

вушки на ресепшен карту-ключ от номера, обернулся на Елену. Она, видимо, опережая любое его предложение, сказала:

– Я здесь подожду.

В машине Сергей Игоревич косился на ее ноги, прикрытые тонкой тканью платья, на длинные пальцы, обхватившие руль. Тянуло потрогать, погладить, но что-то удерживало. Да не «что-то», а уверенность: скоро всё будет, сейчас же лезть – это по-мальчишески.

– Что на радио говорить? – нашел вопрос для разговора.

– Скажи, что рад участию в фестивале, надеешься, что он получится живым, интересным и полезным для жителей города. Что уже бывал в округе, свои впечатления... Разнообразие культур, языков...

– Честно говоря, ваш округ мне другими вещами запомнился.

Елена глянула на него серьезно, сурово даже, предупредила:

– Об этом не надо.

– Ну естественно. Я шучу.

– Я понимаю.

В студии на Сергея Игоревича накатило вдохновение, и он, как ему казалось, говорил очень хорошо. Сидевшая напротив Елена довольно улыбалась и кивала. Ведущий после эфира похвалил:

– После такого спича успех фестивалю гарантирован!

Вернулись к гостинице. Когда Елена заглушила мотор и

собралась выбраться, Сергей Игоревич положил ладонь ей на бедро, придержал.

– Лена, пойдём ко мне.

Она умоляюще сквозь стекла очков посмотрела на него.

– Не сейчас. Я организатор... дел полно...

– А когда? Вечером?

– Может быть... не знаю...

Сергей Игоревич повел ладонь выше по скользящей ткани; Елена сомкнула, сжала ноги. Не пустила. Он убрал руку и открыл дверь.

Решил, не заходя в номер, поесть. Спросил у девушки-администратора, где завтрак.

– За аквариум пройдите, и налево.

Стараясь прямо держать спину, Сергей Игоревич пошагал через холл к огромному аквариуму с одиноко плавающей в нем акулой. Елена, он чувствовал, смотрит на него, оставшись у дверей. Но вот послышался ее рассерженный голос:

– Почему до сих пор нет программы?! В чем дело, Алена?.. И что – что всем рассылали?.. – Она отчитывала кого-то по телефону. – Программа должна лежать в гостинице на стойке, во всех библиотеках, клубах, везде. Все должны жить фестивалем...

«Действительно, – посочувствовал ей Сергей Игоревич, – здесь пока не до секса».

На завтраке встретил Дмитрия Абрамовича, того борода-того великана-краевода.

– О-о, Сергу-унь! – поднялся тот из-за стола и развел руки. – Вот так-так!

Сергей Игоревич воздержался от объятий, в голове мелькнуло: «Вот уже и Сергунь».

Рядом с великаном был Иван, диалектолог из Иркутска, миниатюрный, но мускулистый, всегда опрятный, ладненький, в очках, напоминающий Сергею Игоревичу офицера каких-нибудь космических войск... Они были давно знакомы; Сергей Игоревич выделял Ивана из нового поколения, часто упоминал о нем и его работах в своих докладах, статьях... Иван был моложе него лет на семь.

– Очень рад встрече!

– Я тоже. – Иван с чувством пожал руку.

– Тогда, может... – Великан-краевед шелкнул себя по горлу. – Мы с Ваней уже пропустили по капле для аппетита. Не мешало бы и добавить. Да и за встречу.

– Не поведет нас? Открытие впереди.

– Да чего, мы ж не пузырь на рыло. Так, символически...

Открытие в два, успеем проветриться.

Сергей Игоревич пожал плечами:

– Я не против.

– Ну вот! – Дмитрий Абрамович ринулся к бару, Сергей

Игоревич остановил:

– Я сам. И не спорьте.

– Как знаешь. Сочтёмся.

Заказал в баре графинчик коньяка на триста граммов, на-

брал на тарелку разной еды. Хотелось рисовой молочной каши, но как-то неловко под алкоголь... Вернулся к столу, где томилась сытые, но почти трезвые товарищи.

Хотелось поговорить с Иваном.

– Года три ведь не виделись, – сказал, усаживаясь, – если не больше.

– Где-то так...

– Слежу за твоими публикациями. Молодец. А я чего-то... выхолащиваюсь в Москве.

– Так давай сюда, – хлопнул его по плечу Дмитрий Абрамович.

– Подумываю, подумываю...

Конечно, всерьез Сергей Игоревич никогда не «подумывал» о том, чтобы уехать из Москвы. Даже в те месяцы, когда ожидал от Елены сообщения о беременности. Но жило что-то на дне души, порой начинало шевелиться, царапать-ся. Особенно когда выпивал в одиночестве. Вечером на кухне...

– Ну, за встречу, мужики! – Дмитрий Абрамович поднял рюмку.

– За встречу!

Триста граммов выпились мгновенно. Хотелось продолжить, но пересилили себя, разошлись по номерам.

Сергей Игоревич поставил будильник на час и упал на широкую, почти квадратную кровать. Покачался, никаких скрипов и пошатываний. «Хорошо». Улегся, завернулся в

покрывало. Надо было отдохнуть перед открытием – ему там выступать. Как именитому ученому из столицы.

Задремать не получалось – в голову лезли подробности сегодняшнего общения с Еленой. Какое-то неправильное оно вышло, не так представлял...

«А что ты хотел-то? Сразу сюда – и весь день, всю ночь?.. Она организатор, – почему-то голосом Елены убеждал его собственный внутренний голос, – у нее вон сколько дел, проблем. Программу не отпечатали... Она и тогда до твоего прикосновения к шее не давала особых поводов...»

Этот голос в итоге победил, Сергей Игоревич смирился: «После открытия. Всё будет в порядке».

* * *

Открытие проходило в драматическом театре. Вела его сама Елена. В вечернем платье с голыми плечами, при свете юпитеров – или софитов, – она была нереально красива... Сергей Игоревич засмотрелся бездумно, без желания даже, погрузился в эту красоту, как в каком-нибудь музее изобразительного искусства, потом очнулся и машинально повернулся к сидящему рядом Ивану. Может, подтверждения искал, что действительно красива... Иван смотрел на сцену с полуулыбкой. Странной полуулыбкой.

«Неужели она ему не нравится?» И сразу увиделось в лице Ивана нечто не совсем мужское, вспомнилось, как он по-

глядывал на него на завтрак.

Иван шевельнулся, и Сергей Игоревич резко дернул шей и снова уставился на Елену... К микрофону на сцене подходила оплывшая женщина. Сергея Игоревича передернуло, будто на прекрасную картину плеснули помоями.

– Здравствуйте! – Женщина раскланялась, как артистка. – Такие фестивали очень нужны... важны. Сейчас много говорят о чистоте русского языка, призывают бороться с заимствованиями. Но русский язык, как любой живой язык, развивается в том числе и в основном – заимствованиями. И смешно слышать, когда некоторые политики предлагают запретить, именно запретить, свежее заимствование, а вместо него употреблять якобы коренное, родное слово, не зная, что это тоже заимствование, вошедшее в язык каких-нибудь сто лет назад...

«Что она, лекцию, что ли, будет читать?»

– Мы, например, носители русского языка, чувствуем некоторую нехватку слов, которые бы выражали растущее количество значений, понятий, – упорно продолжала женщина. – Самый легкий путь – брать слова из английского языка. Но!.. Но стоит пристальнее оглядываться вокруг. Языки народов нашей родной России настолько разнообразны и богаты, что в них, я уверена, можно найти буквально всё.

«Ага, особенно относящееся к бизнесу, компьютерам».

– Думаю, наш фестиваль, в котором участвуют представи-

тели разных народов Сибири, делегаты десятков языков, поможет нам всем в этом деле. Взаимно обогатит нас. Спасибо.

Раздались дружные аплодисменты, и Сергей Игоревич тоже похлопал.

– А сейчас приглашаю на сцену музыканта, поэта Николая Лыскова, – объявила Елена.

По залу пробежал тревожный шелест, и, видимо, услышав его, Елена предупредила:

– Николай исполнит песню, которая, я очень надеюсь, станет гимном нашего фестиваля.

Из-за кулис появился тот парень, с которым Сергей Игоревич познакомился в ноябре. Он был прежним – зажатым, ершистым, гитара напоминала меч и щит одновременно.

– Не бойтесь, – хрипнул Коля и надсадно прокашлялся, – эта песня нестрашная. Я пере... перевоспитываюсь... Послушайте, в общем.

Несколько человек ободряюще хлопнули.

Коля стал перебирать струны. Отдельного микрофона для гитары не поставили, поэтому мелодию почти не было слышно... Коля что-то уловил не то в строе, подкрутил колок, снова перебрал струны. Но казалось, он попросту не решался начать. Наконец все же запел:

Родной язы-ык нам Богом дан,
Ласкает он, хранит от ра-ан...

Елена стояла в сторонке и со счастливой улыбкой наблюдала за исполнителем.

«М-да, нагнула парня, – вздохнул Сергей Игоревич и с удовольствием мысленно добавил: – Ну, ничего, ночью я тебя...»

Дружной семьей языко-ов, —

повторял Коля слова припева по несколько раз, —

Жить будем во веки веко-ов...

Выступление Сергея Игоревича было кратким, сдержанным. Он поблагодарил за приглашение на фестиваль, сообщил, что сам родом из Сибири, правда, с другого ее края, что в прошлом году побывал в одном из городов их округа, выразил надежду, что общение будет полезным... Ему сдержанно похлопали, да Сергей Игоревич и не стремился к овациям – настроение после убогой Колиной песни упало. И Елена была какой-то далекой, недоступной: проходя мимо нее к микрофону и потом от микрофона, он оба раза пыхнул на нее взглядом; Елена не ответила. И появилось подозрение, что такой она и останется все эти три дня и три ночи...

После окончания торжественной части сотрудницы Дома памяти отлавливали выходящих из зала участников фестиваля и отводили в театральный буфет, где был накрыт длинный стол. Закуска не поражала богатством, а вот с алко-

голем наблюдался полный порядок.

– Ну, отдохнё-ом, – выдохнул Дмитрий Абрамович. – Колю надо поддержать. Переживает.

– Правильно переживает. Песня ведь... отстой, как говорит молодежь.

Великан-краевед придвинулся к Сергею Игоревичу, снова, как и утром, развел руки и стал похож на медведя, который вот-вот сожмет и раздавит... Сергей Игоревич водил детей в театр Дурова и однажды дрессировщик прямо у рампы поднял медведя на задние лапы. Первый ряд завизжал и сыпанул влево и вправо...

– Слушай, не говори ему, – одышливо зашептал Дмитрий Абрамович. – Не надо. Парень спекается, чуть не повесился. Лена дала вот возможность. Шанс этот самый. Это ж как наркотик – перед публикой петь... А песня... ну, дерьмо – ну и что? Мало ли...

– Понял-понял. – Сергею Игоревичу стало стыдно. То ли за свое резкое «отстой», то ли за испуг от габаритов трухлявого великана. – Вот он, кстати... Коля.

Коля шел, как в туристическом походе, ссутулившись, держа чехол с гитарой на спине, в камуфляжных штанах, грубых и нечистых ботинках... Сергею Игоревичу вспомнились слова, которые он услышал в ноябре: «Нужное восславлять тоже не могу. Что же делать мне, такому дураку?..» И ответил этим словам: «Смог, Коля, смог».

Но, здороваясь, поздравил его с выступлением, с песней.

Коля в ответ посмотрел на Сергея Игоревича, как на идиота.

Сергей Игоревич отошел к столу, вокруг которого уже сгустился народ, налил себе без стеснения рюмку водки и выпил. Сдернул зубами со шпажки сыр с виноградной.

– А ты чего в одиночку? – появился за спиной Дмитрий Абрамович. – Налива-ай.

* * *

Опьянел незаметно и сильно. Не отходя от стола, кивая рефлекторно речам великана, нытью Коли, который признавался и признавался, что теперь он себя не уважает.

Вслух поддерживать Колю было нельзя, спорить с вымученно жизнеутверждающими словами Дмитрия Абрамовича не хотелось. Сергей Игоревич всё высматривал Елену и, не находя, бросал в себя рюмку за рюмкой... Не видел и Ивана, с которым бы с удовольствием поговорил.

Нет, Елену все-таки заметил – она с кем-то общалась, розовея плечами, – но было уже поздно подходить: «Набрался... зачем набрался...»

И будто остатки трезвости ушли в это сожаление – его повело в сторону; Сергей Игоревич с ужасом почувствовал, что падает.

– Ну-ка, ну-ка, – подхватили крепкие руки. – Присесть тебе надо, Серега.

– В номер надо, – пробормотал он.

Провожал Коля. Молча, сосредоточенно, крепко прижав его руку к своему туловищу. Сергей Игоревич пытался поначалу доказывать, что сможет дойти сам, что не такой уж пьяный. Но голосок внутри остановил: «Прекрати. Сейчас доведут, и ляжешь».

Перед входом в гостиницу Сергей Игоревич подобрался, освободил руку.

– Всё, спасибо, дальше я сам.

– Точно? – В голосе Коли послышалась армейская нотка. «Может, он из офицеров? Уволенных...»

– Точно, точно. Спасибо.

Благополучно, не колотясь о стены, добрался до номера. Лег на кровать с упругим матрасом. Поплыл было в сон, и тут же какая-то сила втянула, вернула в реальность. Вернула почти протрезвевшим.

Некоторое время Сергей Игоревич еще полежал с закрытыми глазами, заставляя себя заснуть. Потом надоело, посмотрел на часы. Всего-то без двадцати восемь. Как он так?.. Видимо, хорошая водка – шарахнула и отпустила. И никакой ломоты в голове, боли в глазах, вялости...

Включил телевизор, нашел Эм-ти-ви, где под арабскую мелодию извивались полуголые блондинки. Смотрел на экран и решал, что делать.

Доклад у него завтра в двенадцать, поэтому можно проснуться в девять. Не спеша позавтракать и медленным шагом в библиотеку, где пройдут основные мероприятия фе-

стиваля... После доклада – выезд на стойбище... А сегодня... Сегодня можно еще поколбаситься. Время, хе-хе, детское.

Вернуться на фуршет? Нет, это будет глупо, нелепо. Ушел и ушел... Видела ли Елена, как он уходит? Вернее, как его уводят?... Неприятно.

Сергей Игоревич нашел в телефоне номер Елены. Позвонить? Наверняка она еще там, с гостями... Ну, так пусть закругляется и приходит. Стукнет в дверь, коротко, тихо, как и тогда, в ноябре. Он услышит, откроет, впустит. Обнимет, начнет целовать. А она отстранится для того, чтобы скорее раздеться.

Нет, не стоит жать на кнопку с зеленой трубкой. Только раздражение вызовет своим: «Я жду, приходи».

Бросил телефон на кофейного цвета покрывало, поднялся, походил по номеру, слегка пританцовывая под музыку из телевизора. Завернул в ванную, по традиции всех гостиниц совмещенную с туалетом.

Ванна большая, ослепительно-белая. Как бы хорошо было наполнить ее теплой водой, вылить пены и войти в нее вместе с гибкой девушкой. Сесть друг напротив друга, переплестись ногами...

Сергей Игоревич отвернулся, открыл кран над раковиной и тщательно умыл лицо, шею, поковырялся мизинцами в ушах. Прокашлялся. Хотел почистить зубы, но щетка с пастой оказались в сумке, а в услуги гостиницы набор не вхо-

дил. «Вишь, как торопился, – поддел себя, – даже вещи не разложил».

Приведя себя в порядок, бодрым, помолодевшим, с жаждой приключений или хотя бы новых впечатлений отправился на улицу. Хоть на город взглянуть...

Было еще светло, как днем, но людей мало, машин тоже. «А, тут же белые ночи всюю. Север...» Особенно заметна была тишина, вернее, отсутствие постоянного московского гула. Вот проревел грузовик, удалился, и воздух снова успокоился; писк светофора слышен за квартал от перехода...

Гостиница находилась на центральной или одной из главных площадей города. Ее окружал театр, какой-то явно правительственный дворец с двумя флагами на крыше – российским и округа... Слева виднелось нечто кривобокое, из темного стекла, увешанное пестрыми банерами. Сергей Игоревич направился туда – наверняка какой-нибудь торговый центр. Побродит, поглазет, убьет час-другой. А потом позвонит.

Да, не ошибся – здание из темного стекла оказалось торгово-развлекательным центром, сконструированным по западным образцам. В подвальном – «минус первом» – этаже супермаркет, электроника, двери, посуда. На первом – салоны красоты, бутики, магазинчики-кабинки с красивыми безделушками, бижутерией... Почти всё было закрыто. Ни одного покупателя, дремлющие продавщицы.

На эскалаторе, который включился, тихо и как-то зловеще

зажужжал при его приближении, Сергей Игоревич поднялся на второй этаж.

Здесь размещались кафешки, разные «Макдоналдсы», «KFS», «Крошки-картошки», и было поживее. Молодежь, парни какого-то полубандитского, но не угрожающего вида, парочки девушек, одинокие мужички «вроде меня», – усмехнулся Сергей Игоревич.

Хотелось съесть чего-нибудь горячего. Ну и выпить немножко... Выбрал «KFS» – заказал два куса курицы и маленький пакетик картошки-фри.

– Куски мы теперь не продаем, – сказала худенькая, совсем юная девчушка в фирменной бейсболке. – Есть голени.

– Давайте голени. Три тогда... Водки или коньяка, конечно, нет?

– У нас только пиво. Но вон там бар, там можно купить.

– А, хорошо. Сколько с меня, барышня?

Может, под настроение – так долго был уверен в скором сексе, – девчушка его возбуждала. Хотелось позаигрывать, если получится, договориться встретиться после ее смены.

«Да перестань, – пристыдил здравый внутренний голос. – Ей лет семнадцать. Куда ты-то лезешь?»

Другой голос, подзуживающий, пристыженно умолк. И, расплатившись, кивнув на девушкино: «приятного аппетита, ждем вас еще», Сергей Игоревич скорее пошел с подносом к бару.

Там ему налили сто граммов водки «Журавли», которую

Сергей Игоревич опытным путем определил как одну из самых «съедобных».

Устроился за квадратным столом в уголке зала. Осторожно глотнул из бокала – водку налили в винный бокал, – оторвал зубами кусок мякоти от прожаренной, ароматной голени. Жуя, огляделся.

Через стол сидели две девушки, очень, как близняшки, похожие друг на друга, и молча, сосредоточенно ели пиццу. Брала дольку, слегка заворачивали кверху края, чтобы колбаса не падала, и кусали. Шевеля скулами, смотрели на то, что еще оставалось на большой тарелке... В их молчании и сосредоточенности было что-то печальное и почти ужасающее. Словно большего им в жизни не надо, кроме пиццы. Долго, по рублику, собирали нужную сумму, пришли сюда вечером, когда поспокойнее, мучительно выбирали, – а может, и быстро, договорившись еще месяц назад, – дождались, пока приготовят. И теперь поедают, наверняка ощущая счастье...

Почти напротив Сергея Игоревича, но далековато, на другом конце зала, находилась компания шумных молодых мужиков. Сначала он принял их за полубандитов, этаких приклатненных, но теперь, уловив несколько донесшихся слов – «вахта», «трасса», «компрессор», понял, что это работяги. Нефтяники или газовики. Видимо, вернулись с вахты и решили гульнуть...

Постепенно шум у них там возрастал всё больше, выкрики

становились громче. К столу подошли трое ребят-кавказцев. Что-то сказали мужикам.

– А мы мешаем кому? – прозвучало в ответ.

Кавказцы еще что-то сказали. Тихо, но наверняка весомо.

И получили в ответ:

– Отвалите, блин!

Дальше начался грай. Как две стаи псов столкнулись на пустыре.

Кто-то из мужиков вскочил на ноги, звякнула о тарелку то ли вилка, то ли нож... С третьего, верхнего, этажа сбегали по эскалатору еще несколько кавказцев.

Девушки втянули головы в плечи и стали шевелить скулами быстрее. Сергей Игоревич, допив водку, обрабатывал третью голень.

– Э, бра-ат!

– Да не брат ты мне!..

– Э-э, ты ч-чё-о!

И звуки ударов. Сначала глухие, в защищенные одеждой тела, а потом и хлесткие, звонкие – кулаки нашли лица...

– Нах-нах, – пробормотал Сергей Игоревич и, стараясь казаться незаметней, нейтральней, стал пробираться к эскалатору.

Благополучно достиг выхода... Шагал в сторону гостиницы, мелко дрожа, словно сам поучаствовал в драке. И как-то по-стариковски думал: «Вот вернутся домой подарочки женам и детям – с разбитыми мордами. Идиоты».

Лифт остановился не на том этаже, который был ему нужен. Створки раскрылись, и вошла та оплывшая женщина. В руке бутылка вина.

– Ой! – испугалась и обрадовалась одновременно. – Это вы... Как ваше здоровье?

– Превосходно, – пожал плечами Сергей Игоревич.

– Если что – мы в шестьсот втором собрались. Заходите, коль станет скучно. – И женщина улыбнулась, сразу став моложе и даже слегка привлекательной. Этакая сдобка.

– Спасибо... А Елена Юрьевна с вами? Мне насчет завтрашнего надо уточнить...

– Нет, Леночки нету. Могу телефон дать.

– Номер телефона у меня есть. Спасибо...

Сергей Игоревич вышел на четвертом, женщина поехала дальше.

Постоял в коридоре, пустом и тихом... Вот запрется сейчас в номере, и что? Спать не сможет. В телевизор тарашиться?

Помялся, пометался душевно и решил подняться в шестьсот второй. Принять приглашение оплывшей. Оправдывал себя: «Ну, я же не к ней. Там наверняка человек десять. Может, и Елена придет».

Уже развернулся обратно к лифту, как одна из дверей в

дали коридора открылась, и появился болтающийся, как стель на ветру, человек. Вслед за ним – кто-то огромный. «А, краевед», – узнал Сергей Игоревич, почувствовал почти радость, пошел навстречу.

– Живой? – придерживая валящегося Колю, спросил Дмитрий Абрамович. – Можно продолжить тогда. У меня припасено... Колямбу только приземлим.

Коля жил через номер. Безропотно дал уложить себя и тут же засопел.

– Устал, бедолага, – вздохнул великан. – Переживает, знаешь как... Чего, пропустим?

Сергей Игоревич пожал плечами, но получилось, что как бы кивнул.

Сидели втроем. Третьей была женщина по имени Ольга, сухоощавая, немолодая, но с относительным успехом молодящаяся. Она сдержанно, хотя и пьяновато, улыбалась, глядя как-то сквозь людей и предметы. Помалкивала, зато великан сыпал словами:

– Фестиваль уже, можно считать, получился. Так встретили! Столько людей интересных мы тут давно не видали!..

– Жаль, я быстро спёкся, – вставил Сергей Игоревич. – Даже и не понял, как...

– Быва-ат. У нас алкоголь коварно себя ведет. Можно и после двух бутылок трезвым остаться, а можно с двухсот граммов поплыть.

– Почему?

– Да Север... Кислорода мало, и настроение главную роль играет. Значит, у тебя настроение не то было. Вот водка и решила: лучше поспи, парень.

– Экология, – произнесла сквозь улыбку женщина Ольга.

– Во, или экология! Надышался в Москве отравы...

Сергей Игоревич хмыкнул:

– Хм, а у вас чище здесь, можно подумать.

– Ну, уж почище, чем там... Конечно, тоже гадим, но ветра помогают. Тут такие ветра!.. Что, друзья... – Великан поднял пластиковый стаканчик с коньяком. – Примем!

Хрустнули в чоканье стаканчиками, проглотили коньяк.

– У нас лучше его пить – он не такой своенравный, как водка... А раньше, когда с Кубой отношения были, ром стоял везде. Так никакой цинги!.. Бальза-амы...

– Сейчас драку наблюдал, – понимая, что лекция об алкоголе может продолжаться долго, перебил Сергей Игоревич. – Пошел в торговый центр, а там компания гуляла... – И он рассказал, что произошло.

Великан покивал, вздыхая.

– Раньше друг с другом хлестались, а теперь – с детьми гор.

– Их здесь много разве?

– Да полно! Как китайцев... Кха, нет, китайцев-то у нас и нету теперь, эти их выжили... Всё держут. И торгушку эту, и рынок, и магазины, кафешки... Да это не самое страшное. – Дмитрий Абрамович осторожно, чтоб не перевернуть ста-

канчики, плеснул еще коньяка. – Тут ведь несколько лет назад настоящий бой случился. Контр... эта... контртеррористическая операция.

– Да?

– Угу. Я сам не видал, но рассказывали, кто рядом был... Да и в прессе писали... В общем, всё тихо, спокойно, и тут солдаты, машины армейские окружают девятиэтажку одну, выводят людей и начинают в мегафон призывать: «Такой-то такой-то, сдавайтесь. Вы блокированы, сопротивление бесполезно». А из окна, с седьмого этажа, – очередь из автомата в ответ... Привезли отца этого, который в квартире. Тот его стал уговаривать, а из окна снова очередь... Короче, штурманули квартиру, парня убили. Оказалось, местный рожак, но по национальности кто-то из Дагестана. Не помню точно, не буду грешить... Отец его еще в советское время оттуда приехал, работал на компрессорной станции, передовик, уважаемый человек, жена русская. А сын вот сошелся с этими... с ваххабитами.

– И совершал реальные преступления? – спросил Сергей Игоревич, удивляясь, что случай, обычный для Северного Кавказа, произошел, оказывается, и в городке под Северным полярным кругом.

– Ну, вроде как совершал. Ездил туда, в Дагестан... Вишь, и автомат у него был – автомат не будешь просто так дома держать.

– Я прилягу? – попросила женщина, перестав улыбаться.

– Давай-давай, Олюшка... – Великан оживился. – Отдохни. Напугали тебя такими разговорами.

Она сбросила туфли, легла, поджала ноги в черных нитяных колготках, оправила юбку. Сергей Игоревич отметил, что фигура у нее вполне еще ничего...

Ольга не принимала участия в разговоре, кроме одинокого слова «экология», но без нее стало пустовато. Дмитрий Абрамович посапывал, похрипывал, явно выискивая в голове новую тему, Сергей Игоревич тоже думал, что бы сказать. Наконец придумал:

– Ивана не хватает... Так с ним пока и не поговорил, а знаком давно.

– М-м да-а, – как-то вымученно протянул великан-краевед. – Я его на фуршете мельком видал... Загадочный он в этот раз.

– А вы уже раньше встречались?

– Да был года два назад, ездил по округу. Сравнивал быт и язык наших эвенков со своими. Их у нас-то с гулькин нос, но е-есть...

– Понятно. – И Сергей Игоревич добавил про себя: «И с Еленой тогда познакомился...»

И желание увидеть, а точнее, быть с Еленой, заскребло еще сильнее.

Достал телефон. На дисплее застыли цифры «22: 17». Самое то, чтоб позвонить. Или поздно?..

– Ольга заснула, – прошептал хрипло Дмитрий Абрамо-

вич. – Чего, на посошок да тоже на боковую? Завтра день-то большой предстоит.

– Да, на посошок...

В коридоре сразу же набрал Елену. Слушал длинные гудки и заставлял себя ни о чем не думать, не подбирать слова, которые сейчас скажет... Гудки тянулись, тянулись, а потом бесстрастный женский голос произнес:

– Абонент не отвечает. перезвоните позже.

– Куда уж позже? – пробормотал Сергей Игоревич.

Постоял в коридоре и спустился на первый этаж, подошел к стойке регистрации, спросил, в каком номере проживает Иван Петренко.

– Минутку. – Черноволосая девушка в белой блузке пощелкала мышкой. – В номере пятьсот восемь.

– Спасибо.

«Вряд ли он еще спит, – убеждал себя. – Поговорим... Может, в ресторан...» Но шел к Ивану не за этим.

Нашел дверь с табличкой «508». Постучал. Подождал. Постучал громче. Прислушался, и показалось, что в номере двигаются, идут открывать. Но дверь не открывалась... Сергей Игоревич еще постучал. Еще подождал.

– Всё, хватит... Спать.

* * *

На завтраке видел помятые после вчерашнего, похмель-

ные лица участников фестиваля. Кивал знакомым. Возле кофемашины столкнулся с Еленой.

– Привет. Ты уже здесь?

– Да я... – Елена как-то растерялась. – Я решила поближе к вам.

– Здесь ночевала?

– Типа того... Всё нормально у тебя?

Сергей Игоревич усмехнулся:

– Ну, как сказать... Искал тебя вчера, звонил...

– А, я уже отрубилась, наверно, – слишком, ненатурально легко объяснила Елена. – Перебрала на фуршете. Извини.

– Что ж извиняться... Просто хотелось, как тогда...

Елена быстро обвела взглядом пространство вокруг, определяя, слушают их или нет. Сказала тихо и быстро:

– Пойми, там я была гость, свободный человек, а здесь – организатор. Я уже объясняла...

– И ночью тоже?

– И ночью, Сергей. Ночью нужно прийти в себя. Я не готова сейчас, понимаешь?

– Понимаю, что ж...

Елена сочувствующе и как-то жалеюще улыбнулась, повернулась спиной и с чашкой кофе мягко пошла в своих лодочках. Тянуло смотреть ей вслед. Удержался.

Чувствуя и возбуждение, и страшную, хоть падай, усталость, Сергей Игоревич нажал на кнопку «Американо».

Сидел за столом один – никто не подсаживался, – чув-

ствовал себя опущенным. Унизительно, когда женщина, которая была с тобой, тебе отказывает. И улыбается, как калекке, дефективному. А ведь тогда улыбалась счастливо. Смотрела тем утром так, что... Так, что хочется снова увидеть. Но для этой улыбки и взгляда нужна ночь...

И зачем она решила жить здесь, в гостинице? У нее ведь ребенок, муж, наверное... Хм, Сергей Игоревич только сейчас обнаружил, что почти ничего не знает о Елене. Тогда, в ноябре, не хотелось знать, не хотелось слов, вообще человеческой речи – всё это было не нужно. А теперь нужно. Нужно стало узнать, поговорить. Сказать много слов, уговорить, убедить. Пойти, запереться, раздеться, лечь...

Моментом пространство под черепом залили сладостные картинки. Воспоминания и фантазии. От них, почти несбыточных, напрасных, стало тошно, и Сергей Игоревич с трудом проглотил очередную ложку молочной каши «Дружба». Сполоснул рот кофе.

По пути к лифту поглядывал на завтракающих. Ивана не заметил. Дмитрия Абрамовича тоже... Этот наверняка мнет сейчас женщину Ольгу... А что, он не человек, что ли? И не такой уж древний. Хоть и трухлявый, но большой, уютный, для секса еще наверняка пригодный. Женщинам с такими, слышал, хорошо.

Распаяя и добивая себя такими мыслями, добрал до номера и просидел на стуле, как Наполеон после Ватерлоо (сам с усмешкой нашел такое сравнение) до без четверти десять.

Очень не хотелось, не могло́сь тащиться на мероприятие, где к тому же предстояло выступать с докладом. Стоять на сцене и минут двадцать шевелить языком. Но что делать: дорогу, проживание и питание оплатили, и он обязан отработать...

Зачирикал мобильник. Жена.

– Привет, как ты там?

– Всё нормально... Сейчас пойду выступать.

– А что голос такой? Ты чем-то расстроен?

– Да так... Тягостно как-то... Ладно, ничего страшного.

Жена поверила, пожелала всего хорошего, добавила, что соскучилась.

– И я, – ответил Сергей Игоревич, ощущая, что действительно хотел бы оказаться дома, рядом с ней...

И никуда больше не ездить, никого не видеть. Стать старым. Степенным стариком с большой пенсией...

По-стариковски кряхтя, поднялся, стал собираться. Подбадривал, стыдил себя: «Чего раскис? Может, и к лучшему, что не получается? И не пацан – из-за этого смысл жизни терять». Это слегка помогло, в холл спустился внешне веселым.

– Так, все? – хлопотала, но не заполошно, а как опытный сержант, Елена. – Тогда выдвигаемся. Там народ будет, неудобно опаздывать.

Вслед за ней потекли на улицу, повернули в сторону библиотеки.

Сергей Игоревич заметил впереди Ивана. В черных джинсах, заправленной в них черной рубашкой, мощный кожаный ремень на поясе...

– Привет, – догнал, пошел рядом.

– А... – Иван выглядел утомленным. – Здорово.

– Не выспался?

– Да-а... Бурный вечер вчера получился.

– В смысле? – У Сергея Игоревича засосало в груди.

– Ну, перебрал слегка.

– А, это... Я тоже.

Библиотека оказалась огромной. Новенькое, с широчеными окнами двухэтажное здание. Словно не на Крайнем Севере построено, а где-нибудь в Анапе или Сочи. Потолки высокие, в холле на втором этаже настоящий сад.

Здесь же, в библиотеке, находился и Дом памяти, директором которого была Елена.

– Мы не бедные родственники, – объявила она в присутствии библиотекарей. – Изначально делим помещения. Актовый зал – общий.

Елена была деятельна, гостеприимна и как-то вызывающе соблазнительна. Высокая, легкая, сочная. Ладная, как говорили раньше. Казалось, каждое ее движение рассчитано на то, чтобы мужчины изумленно облизывались, а женщины завидовали. И Сергей Игоревич недоумевал, почему окружающие Елену люди выглядят вполне равнодушными.

«Филологические черви», – насмешливо-презрительно

произнес один голос. А другой, серьезный и грустный, спросил: «А ты не влюбился ли?»

Когда-то Сергей Игоревич прочитал в одной случайной газетке, что любовь – это болезнь. Болезнь в прямом смысле слова. Даже в реестр заболеваний внесена...

Болеет ли Сергей Игоревич любовью? В школьные годы – было. В девятом классе влюбился в девочку из соседней школы. И до этого возникали постоянные влюбленности, но здесь случилось всерьез – не мог спать, учиться, разговаривать с родителями, кусок в горло не лез, от запаха еды тошнило. Сердце то колотилось, то замирало, то падало куда-то в живот... Часами бродил возле той соседней школы, и опасность получить от враждовавших с их школой пацанов не пугала, вернее, он даже хотел подраться, героически проиграть, и желательно на ее глазах. Он узнал, где живет его любовь, и торчал возле подъезда... Она знала о его чувствах, была к нему добра, соглашалась погулять в парке или по набережной, они даже целовались... Что дальше, тогдашний Сергей Игоревич не то чтобы не знал, но не решался предложить. Да и где? В квартирах родители, братья или сестры, дач у них не было...

Болезнь продолжалась до поступления Сергея Игоревича в университет. Некоторое время они переписывались, он бегал звонить ей с телеграфа, а потом постепенно – прошло.

В универе были романчики с однокурсницами, но легкие, без болезней.

Встреча с будущей женой наверняка могла бы развиться в болезнь. Но они почти сразу стали жить вместе, и сексом, перемежающимся с небольшими ссорами, периодами страсти, которые сменялись охлаждением, болезнь удалось подавить... Конечно, в то время Сергей Игоревич не думал, что именно «подавляет» болезнь любви, это теперь стало ясно, спустя двадцать с лишним лет. А тогда они просто мучились, когда происходили ссоры, радовались, когда мирились. Хотя оба тогда уже прочитали «Крейцерову сонату» Толстого и даже поделились впечатлениями, поспорили, но к своей жизни эту повесть не примеряли, не смели подумать, что подобный график: секс – ссора, секс – ссора – неизбежен для любой пары.

Вообще в реальности опыт литературы, разных наук почти никто не использует. Как-то жена одного приятеля стала жаловаться на него Сергею Игоревичу. «Но ведь ты же психолог», – напомнил он; жена приятеля оскорбилась: «Это на работе я психолог, а дома я – женщина!» Вот так, в самую точку.

Опять же где-то Сергей Игоревич прочитал, что любовь живет не больше трех лет. Не исключено, не исключено...

Страсть сменяется привычкой, а вернее, потребностью удовлетворять свои половые потребности, и раза два-три в неделю их удовлетворяешь. При помощи того, кто рядом. А рядом – законная жена... Куда сильнее влечения друг к другу связывают дети, общее жилище, набитое общими веща-

ми, а главное – страх перемен. Конечно, разводов полно, но большинство их происходит в первые годы брака или у обеспеченных, точнее, богатых. А борющиеся за существование держатся друг за друга мертвой хваткой, друг другу помогают, даже если любви уже нет, да и, по большому счету, не было.

Жене Сергей Игоревич изменял. Да. Правда, нечасто и без страсти. Подчинялся природному мужскому любопытству к телу новой женщины, инстинкту. Но все же безоглядно, порывисто не пытался спариться с любой понравившейся. Чувствовал опасность связи с теми, с кем вместе работал, кто был знаком с его женой; предпочитал случайных, в командировках, которых вряд ли встретит еще. Елена оказалась как раз из случайных, но вот, оказывается...

«Да какое влюбился?! – притопнул мысленно ногой на себя. – Миловидная... смазливая, – усилил эпитет, – вот и тянет».

Прислушался, что говорит очередной выступающий – нужно было следить за происходящим, а то пропустит, когда его позовут. Не хватало, чтобы соседи стали локтями пихать: тебя зовут, иди к микрофону...

Доклад Сергей Игоревич сделал ровный, без огонька, но и без натуги. Закончив, предложил задавать вопросы. Вопросов не оказалось. «Ну и ладно, и хорошо». Сошел со сцены, сел на свое место.

Зато Иван, еще недавно усталый и сонный, выдал насто-

ящую поэму. О богатстве и функциональности языков коренных народов Севера и Сибири, о языковой родственности сибиряков разных этносов... С точки зрения идей поэма эта была неоригинальной, зато масса примеров, сочность подачи понравилась залу. Хлопали бурно.

* * *

В час дня сели обедать в гостиничном ресторане, а в два – во время обеда Елена подходила к столам и настойчиво просила не опаздывать – выехали на стойбище оленеводов-ненцев.

Дмитрий Абрамович с Колей и другими мужчинами устроились сзади и стали выпивать. Приглашали и Сергея Игоревича, он вежливо отнекивался. И правильно – вскоре из головы автобуса пришла Елена.

– Дмитрий Абрамыч, прекращайте. Вы же знаете, что к ним пьяными нельзя... Вечером в гостинице...

– Всё-всё, – одышливый и виноватый голос великана, – больше ни капли.

– Нет, лучше дайте мне бутылку. На обратном пути верну, и с вами пропущу с удовольствием...

Елена прошла обратно уже с пакетом. Сергей Игоревич проводил взглядом ее фигуру в красной ветровке, черных обтягивающих штанах, белых кроссовках. Закрыв глаза. Подремать... Тем более что за окнами был классический для

этих мест рахитный лес, порождающий тоску и безысходность.

Но подремать не получилось. Минут через двадцать автобус остановился, и пассажиры пересели в две вахтовки – на КамАЗах были установлены кузова, напоминающие «пазники». Кто легко, а кто с великим трудом забрались по лесенке внутрь. Перенесли из автобуса пакеты с подарками оленеводам.

– Пристёгиваемся, – командовала Елена. – Дорога дальше негладкая. Может так швырнуть...

КамАЗы двинулись по ухабистому проселку... Лесок вскоре кончился, открылась гладкая равнина.

– Вот и тундра пошла, – вздохнул кто-то.

– Это еще не тундра, – не согласились тоже со вздохом.

– Здесь любое пространство без деревьев называют тундрой, – объяснил третий голос.

Кузов покачивался, КамАЗ то одним боком, то другим нырял в ямки, иногда заполненные болотистой жижей. Справа тянулась жидко поросшая травой неровность.

– Это древний вал, что ли, какой-то? – спросили.

– Это самое важное. Главная ценность.

– В смысле?

– Это труба.

– А-а, так вот она какая...

– Кормилица.

Сергей Игоревич улыбнулся – от этого полушутливого

диалога настроение слегка поднялось.

Свернули с проселка вдоль трубы, и качка стала слабее. Все расслабились, ловили удовольствие от медленной, словно на теплоходике, езды. Но КамАЗ почти сразу остановился.

– Дальше пешочком, – сказала Елена и первой стала спускаться. – Мужчины, захватите, пожалуйста, пакеты.

Побрели по тундре, а по сути – по поросшей низкой травой, но вполне европейского вида поляне. Кое-где виднелись бледно-зеленые пятна ягеля.

Вскоре послышались недовольные бормотки:

– Где стойбище-то? Ближе не могли подвезти?

– Близо нельзя, – отозвался лингвист то ли из Якутии, то ли из Бурятии. – Два раза КамАЗ проедет – и колея на пять лет. Да и животных зачем пугать лишний раз...

Сергею Игоревичу даже с тяжеловатым пакетом в руке идти было приятно. Пахло вкусно свежими травами, радовало, что почти нет комаров и гнуса.

Впереди появились движущиеся точки. Они быстро оформились в олени упряжки – четыре оленя тащили маленькие сани. Упряжек было три.

Подъехали. Двое узкоглазых, но не монголоидных мужчин довольно молодые, один – почти старик с мутными, словно начавшими зарастать бельмами, глазами. Все трое улыбались приветливо, обнажив сероватые зубы.

Поздоровались с Еленой, еще некоторыми, как со стары-

ми знакомыми, усадили в сани самых пожилых или полных женщин, и сани заскользили по траве полозьями.

Оставшиеся, продолжив путь, минут через десять увидели на горизонте чумы, еще минут через пять – серую массу оленей слева от стойбища. А спустя четверть часа наконец добрались до места.

Три чума, рядом прикрытые брезентом снегоходы, несколько саней разного размера, сушащееся белье на веревке, железная печка, поленница, обрезки рогов, окровавленная шкура.

«Будем мясо есть», – угадал Сергей Игоревич.

Он держался в стороне – большинство участников похода тут же накинулись с разговорами, вопросами на мужчин, женщин. Молодые женщины, смущенно улыбаясь, скрылись в чумах, отвечала пожилая, в цветастом байковом халате, по-сибирски повязанная платком. Она была очень похожа на его, Сергея Игоревича, бабушку, разве что разрез глаз другой. Хотя когда бабушка жмурилась...

Были и подростки, ребятишки, совсем кнопки, которые, впрочем, вели себя активно, деловито, почти как взрослые. Занимались тем, что отгоняли от чумов нескольких оленей, которые лезли туда пугливо, но настойчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.